

О золотом отношении в произведениях русской литературы

Виктор Славутинский ©

Как показывает авторское исследование «Золотое отношение в жизни гения», в жизни талантливого человека вблизи точек золотого отношения, приблизительно 0.382 и 0.618 от её продолжительности, происходят обычно значимые события деятельности; само исследование было проведено из мысли, что распространённость золотого отношения в искусстве может реальную жизнь отражать.

Логичен вопрос, а в какой мере золотое отношение в искусстве распространено на самом деле; удобную базу для объективного ответа него представляют уже собранные для исследования «Психологическое значение частого речи» произведения русской литературы.

Золотое отношение в произведениях прозы

В первой части исследования рассмотрены те же произведения, что в «Частом речи» ранее: Аксёнов, «Таинственная страсть»; Белый, «Петербург»; Булгаков, «Мастер и Маргарита»; Бунин, «Жизнь Арсеньева»; Гоголь, «Мёртвые души», том 1; Гончаров, «Обломов»; Горький, «Жизнь Клима Самгина»; Гранин, «Иду на грозу»; Грин, «Бегущая по волнам»; Достоевский, «Идиот»; Искандер, «Сандро из Чегема»; Куприн, «Поединок»; Лермонтов, «Герой нашего времени»; Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда»; Мамин-Сибиряк, «Приваловские миллионы»; Набоков, «Дар»; Одоевский, «Русские ночи»; Окуджава, «Похождения Шипова»; Олеша, «Три толстяка»; Островский, «Как закалялась сталь»; Пастернак, «Доктор Живаго»; Писемский, «Тысяча душ»; Платонов, «Чевенгур»; Полевой, «Повесть о настоящем человеке»; Салтыков-Щедрин, «История одного города»; Соллогуб, «Гарантас»; Сологуб, «Мелкий бес»; Толстой Алексей, «Князь Серебряный»; Толстой Лев «Война и мир»; Тургенев, «Отцы и дети»; Фадеев, «Разгром»; Чернышевский, «Что делать?»; Шолохов, «Тихий Дон»; Шукшин, «Калина красная».

Из сборников коротких произведений, Карамзина, Зощенко, Пушкина, Чехова, выбрано по одному, наибольшему по длине и представительности; «Марфа-посадница», «Какие у меня были профессии», «Барышня-крестьянка», «Моя жизнь, рассказ провинциала».

Для каждого получены отрывки с центрами в точках первого и второго золотого отношений, длиной $1/100$ от длины текста произведения; также дополнительные отрывки, длиной $1/50$, и справочные, $1/25$.

По большей части на основании точных отрывков только — в случае относительно коротких произведений длина таких уменьшалась до пары предложений, потому в расчёт принимались большие, максимальным размером до страницы от точки золотого отношения, но в пределах $1/25$ — поставлены отметки «1» или «0», соответственно «да/нет», по следующим параметрам:

- 1) Значимость эпизода для развития одной из главных линий сюжета произведения.
- 2) Нахождение в эпизоде ключевого и/или переломного момента произведения.
- 3) Выражение отрывком центрального объективно смысла произведения.
- 4) Выражение отрывком смысла, который мог бы быть для автора особо значим субъективно.

Каждая из этих отметок, в свою очередь, может быть субъективной, потому для каждого процитировано находящееся в точке предложение, позволяющее его найти, иногда предложения по соседству, и дан комментарий, описывающий содержание.

Приведённые цитаты сами по себе могут составить впечатление сумбурное; они даны в подтверждение оценок и как ориентиры для поиска отрывков в исходных текстах, тогда как видимый смысл их описан в комментариях.

Отметки указаны перед цитатами. Цифрами и курсивом выделены предложения из отрывков в $1/50$ и $1/25$ от длины текста, для коротких текстов значимые тоже.

Затем каждому тексту была дана интегральная оценка, «да/нет» по двум параметрам:

- 1) Сознательное использование автором золотого отношения.
- 2) Подсознательно обусловленное выражение в одной или обеих точках золотого отношения значимых сюжетно или авторски субъективно обстоятельств и соображений.

Эти две оценки указаны сразу после названия произведения.

Одновременно и сознательное использование и подсознательно обусловленное выражение представляется крайне маловероятным, то есть значение большее нуля одной из двух оценок исключало такое же другой; однако нулю одновременно могут быть равны обе.

Если приведено более одного предложения из минимального отрывка, первое и последнее слова приходящегося на точку предложения отмечены подчёркиванием и знаком «*».

Василий Павлович Аксёнов, «Таинственная страсть»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1, 1, 1

Цитата: «Эта женщина, удивительная красавица, появилась здесь вроде бы специально для того, чтобы завершить гармонию утра: пустота моря и пляжа, солнце, еле-еле оторвавшееся от Хамелеона, купанье с ближайшим другом, чувство новой, хотя бы на срок путёвки, молодости и наконец, она — мечта, скромно сидящая в отдалении.»

На точку первого золотого отношения приходится глава «Ралисса», где впервые полноценно появляется главная героиня книги, прототипом которого стала супруга автора.

Точка второго золотого отношения: 1, 1, 1, 1

Цитата: «Она уже заметила, что её другу нравится вести беседу во время соитий и потому сейчас с лёгкостью невероятной рассказывала ему об Аксельбантах. „Аксельбанты — это мои родители, а также мои сестра и брат. Значит, по сути дела я тоже Аксельбант. Ралисса Аксельбант.“»

На точку второго, основного, золотого отношения приходится «продолжение главы „1968, ночь с 20 до 21 августа. Акция“», где впервые в книге описан половой акт главной героини и главного героя книги, прототипом которого стал сам автор. В середине акта в дверь стучит друг персонажа, прототип которого известный поэт, но, осознав свою малую уместность, ретируется. За пределами отрывка пара женится.

Андрей Белый, «Петербург»: 0, 1

1, 1, 1, 1: «Она видела, как мимо неё из танцевального зала пробежало красное домино в угол пустой проходной комнаты; и там незаметно красное домино разорвало бумагу конверта; зашелестела записка в яркошуршащих руках.»

На точку приходится глава «Скандал», где главная героиня наблюдает за реакцией главного героя на переданное ей ему из вредности письмо, содержащее приказ ему, как террористу, совершить убийство своего отца, видного сановника. Как пишет критика, роман написан на автобиографическом материале, включая и «красное домино», но за исключением терроризма; по всей видимости, для автора переплетение личных отношений с канвой сюжета было значимо принципиально.

1, 0, 0, 1: «Как он все позабыл! Письмецо с собою он брал, отправляясь тогда к Аблеухову – с узелочком; письмецо передать он забыл; передал вскоре после – Варваре Евграфовне, которая ему говорила, что с Аблеуховым встретится. Письмецо то вот и могло оказаться письмецом роковым. Нет, да нет!»

На точку приходится конец главы «Дионис», где происходит встреча главного героя со второстепенным персонажем, от которого через героиню к нему попало письмо с инструкциями. Тот, будучи тоже только посредником, считает, что с приказом произошла ошибка; главного героя встреча ведёт к намерению выбросить бомбу, впрочем, мало реализованному силою обстоятельств, тогда как второстепенного персонажа, через следующую главу, «Откровение», к разбирательству, в результате которого тот устраняет лидера террористической организации, а по существу провокатора. Субъективная важность личного мотива письма, повторенного и в отрывке, очевидна, равно как и значимость встречи для сюжета, однако назвать именно этот момент объективно выражающим смысл произведения или ключевым сложно.

Михаил Афанасьевич Булгаков, «Мастер и Маргарита»: 1, 0

0, 0, 1, 1: «Лишь только финдиректор утвердился в мысли, что администратор ему лжёт, страх пополз по его телу, начиная с ног, и дважды опять-таки почудилось финдиректору, что потянуло по полу гнилой малярной сыростью.»

На точку приходится глава «Слава петуху!», с сорвавшимся превращением в вурдалака одного из второстепенных персонажей другими второстепенными персонажами. Можно допустить, что глава имела какое-то личное значение — прототипы театральные деятели, по всей видимости, донимавшие автора — и даже то, что она отражает сам предмет произведения, бесовщину; однако сюжетно она важна относительно мало.

1, 1, 1, 1: «Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, в которую они попали. Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азazelло, опасаясь споткнуться. Но тут вдалеке и вверху замигал огонёк какой-то лампадки и начал приближаться.»

На точку приходится глава «При Свечах», где героиня попадает в гости к чорту; определённо во всех отношениях это один из ключевых моментов романа, и особо примечательно, что тьма точно в точке. До какой-то степени в отрывок входит и конец главы «Полёт», где героиня, летая на метле, громит квартиры литературных критиков, прототипы которых автора донимали ещё более. Прототип героини — жена автора.

Иван Алексеевич Бунин, «Жизнь Арсеньева»: 1, 0

0, 0, 1, 0: «Дом тоже помолодел, освободившись от хозяина. Все полы и стекла были в нем вымыты, повсюду было прибрано и настежь раскрыты окна на солнце и воздух. Едва переступив порог зала, где были расставлены и убраны столы для поминального обеда, я тотчас же опять встретил тот ужасный, ни на что в мире не похожий запах, который все утро сводил меня с ума возле гроба.»

В эпизоде вокруг точки главный герой присутствует на похоронах и поминках второстепенного персонажа. В смысле сюжета эпизод скорее побочен, но без сомнений выражает общее содержание книги и предвосхищает её финал. Личность описанных переживаний спорна, они больше похожи на обобщающие.

0, 0, 1, 1: «1/50 Брат встретил меня с большим смущением: во-первых, отец запродавал Батурино, прислал нам денег, написал необыкновенно грустно, покаянно... Мне почему-то было неловко, неприятно за брата, во мне росла враждебность к его героине... *Другого дни велми рано кровавые зори свет поведают; чёрные туча с моря идут: в них трепещут синия молнии, быти грому великому, ийти дождю стрелами*...».

На точку приходится эпизод где главный герой узнаёт, что отец его продал родовое имение, а брат тайно живёт семейной жизнью; шокирующие новости ведут его к размышлению, затем воспоминанию и цитированию «Слова о Полку Игореве». Ощущение разрыва предметной связи с прошлым, от которого остается только память, без всяких сомнений, для писателя-эмигранта было субъективно значимо, и можно предположить, что всё произведение имеет и такой смысл. Однако назвать эпизод критичным для развития сюжета трудно.

Николай Васильевич Гоголь, «Мёртвые души»: 0, 1

0, 0, 0, 1: «„Но позвольте“, сказал наконец Чичиков, изумлённый таким обильным наводнением речей, которым, казалось, и конца не было: „зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это все народ мёртвый. Мёртвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица“.»

В эпизоде главный герой пытается мошеннически купить уже умерших, но формально ещё живых крепостных у второстепенного персонажа; тот же, в силу инерции мышления, начинает за них торговаться так, как как если бы они были ещё живы. Сильный в комическом плане момент может быть значим автору торгом, но его нет возможности назвать ни критичным для развития сюжета, ни выражающим основной смысл произведения.

0, 0, 0, 1: «...приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душевных оградах не пользуются воздухом; окончание письма отзывалось даже решительным отчаяньем и заключалось такими стихами: Две горлицы покажут / Тебе мой хладный прах, / Воркуя, томно скажут, / Что она умерла во слезах.»

В эпизоде главный герой, мошенничество которого покамест ещё мало раскрыто, в силу восприятия его уездным обществом как обеспеченного и делового человека получает приглашающие к личным отношениям письма местных дам. Так же, как и в предыдущем случае, момент превосходно, даже гениально, комичен, может быть значим субъективно, но и только.

Иван Александрович Гончаров, «Обломов»: 1, 0

1, 1, 1, 0: «Но не все смешил её Штольц: через полчаса она слушала его с любопытством и с удвоенным любопытством переносила глаза на Обломова, а Обломову от этих взглядов – хоть сквозь землю провалиться.»

В эпизоде происходит знакомство главного героя книги с главной героиней. Сюжетообразующий момент определённо имеет и прямое отношение к тому, что автор хочет произведением сказать, но говорить о субъективном значении откровенно морализующей книги сложно весьма.

1, 0, 1, 0: «– *Да неужели вы с меня за целый год хотите взять, когда я у вас и двух недель не прожил? – перебил его Обломов*. ... Обломов вынул бумажник и счёл деньги: всего триста пять рублей. Он обомлел.»

В эпизоде главный герой пытается для устройства личной жизни съехать с квартиры, куда попал обманом, и обнаруживает финансовое отсутствие возможности сделать это.

Для сюжета, где далее он попадает под контроль владелицы квартиры, а его личная жизнь рушится, кафкианский момент значим, и прямо относится к содержанию книги, однако, нет возможности говорить ни его субъективности, ни о центральности в сюжете.

Максим Горький «Жизнь Клима Самгина»: 0, 1

0, 0, 1, 1: «— *Больного нет, — сказал доктор, не поднимая головы и как-то неумело скрипя по бумаге пером. — Вот, пишу для полиции бумажку о том, что человек законно и воистину помер*. ... — Иди ко мне! Тебе — нехорошо? — тревожно и ласково спросила она, обнимая его, и через несколько минут Самгин благодарно шептал ей. — Ты у меня — чуткая... умная.»

В эпизоде беспокойство, вызванное тем, что ушёл из жизни их сосед, третьестепенный персонаж книги, приводит главных героев книги к спонтанному сексу, пока за стеной находится мёртвое тело. Аморальный момент нет возможности назвать сюжетно образующим, но содержание он выражает вполне. Вряд ли эпизод был субъективно значим для скептического к главному герою автора при написании, однако приходится признать его подсознательную важность с учётом последовавшего.

0, 0, 1, 1: «*Самгин закурил папиросу, начал приводить в порядок впечатления дня и тотчас убедился, что Дуняша, среди них, занимает ничтожно малое место. Было даже неловко убедиться в этом, — он почувствовал необходимость объясниться с самим собою*. ... Этот ночной парад воспоминаний превратился в тяжёлый кошмар. С бурной быстротой, возможной только в сновидениях, Самгин увидел себя на безлюдной, избитой дороге среди двух рядов старых берёз, — рядом с ним шагал ещё один Клим Самгин.»

В эпизоде главный герой сначала рефлексировал относительно отношений со второй героиней романа, притом последующее содержание рефлексии многое говорит о нём и смысле книги, затем заболевает и полуспит-полубредит. Роман остался написанным частично, автор ушёл из жизни по болезни, и то, что болезнь и уход попали в золотые точки книги, постфактум оказалось выражающим важное субъективно.

Даниил Александрович Гранин, «Иду на грозу»: 1, 0

1, 1, 1, 1: «*Почему никто не видит сияющего нимба вокруг головы Дана? Люди должны расступаться и кланяться. Среди нас идёт гений, человечество получило от него куда больше, чем от всех этих кинодеятелей, вместе взятых*. ... Неизвестно почему, но Дан согласился.»

В эпизоде главный герой, физик, пытается объяснить своим знакомым, лирикам, гениальность великого учёного, прототипом которого был гений Ландау. Эпизод очевидно выражает смысл произведения, и, вероятно, субъективно значим тоже. Назвать именно диалог сюжетнообразующим сложно, но через пару абзацев, во втором приведённом предложении, герой наконец устраивается в лабораторию этого самого учёного.

1, 0, 1, 1: «*И так надо измерить полсотни точек. Потом изменить напряжение между пластинами и все начать сначала. Потом изменить положение самолёта и начать новый цикл. Алёшу поражало, как хватает у Крылова терпения. А Крылов занимался этим вторую неделю*. ... — Хорош калека! Агатов вам шею скрутит, дайте ему только власть. ... 1/25 — Лично вам я пойду навстречу, — тотчас сказал Агатов, — с удовольствием.»

В точке воспевается методичное упорство главного героя как учёного, что выражает смысл романа; в конце отрывка длиной 1/25 тот посредством грубой силы сюжетно убеждает карьериста пойти на шаги сохраняющие в отделе наивного аспиранта; за пределами отрывка карьерист убивает аспиранта. Переломные моменты скорее там, однако в отрывке минимальной длины, 1/100, они уже открытым текстом предсказаны, что значимо.

Александр Степанович Грин, «Алые паруса»: 1, 0

1, 0, 1, 1: «Он хотел быть „дьявольским“ моряком. Он, задыхаясь, пил водку, а на купаньи, с замирающим сердцем, прыгал в воду головой вниз с двухсаженной высоты.»

Эпизод около точки описывает становление главного героя, выходца из аристократии, моряком и капитаном по собственному выбору; сюжетно, объективно и авторски он значим, но его нет возможности считать ключевым.

1, 0, 1, 1: «Над ней посмеивались, говоря: — „Она тронутая, не в себе“; она привыкла и к этой боли; девушке случалось даже переносить оскорбления, после чего её грудь ныла, как от удара.»

Эпизод описывает предысторию главной героини. Идентичность и единство с предыдущей точкой полные.

Фёдор Михайлович Достоевский, «Идиот»: 1, 0

1, 1, 1, 1, «Надо предположить, что такое впечатление внезапного ужаса, сопряжённого со всеми другими страшными впечатлениями той минуты, – вдруг оцепенили Рогожина на месте и тем спасли князя от неизбежного удара ножом, на него уже падавшего. ... – *Вы точно меня себе присвоили, что держите под замком, – протестовал князь, – по крайней мере на даче-то я хочу, чтобы было иначе, и будьте уверены, что буду принимать кого угодно и выходить куда угодно*.»

На точке проходной диалог, но близко к нему описано нападение второго персонажа первого плана на главного героя, которое останавливает эпилептический припадок того. Момент сюжетно ключевой, предвосхищает финал книги; эпилепсия автобиографична.

0, 0, 1, 0 «– *Господа, – закричал он громко всем, – князь утверждает, что мир спасёт красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблён*. ... – Читать! – прошептал Ипполит, как будто раздавленный решением судьбы; он не побледнел бы более, если б ему прочли смертный приговор ... – 1/50 *Вы были у меня на прошлой неделе, ночью, во втором часу, в тот день, когда я к вам приходил утром, вы!! Признавайтесь, вы?»*

Вблизи точки, на которую приходится фраза, ставшая хрестоматийной — примечательно, кстати, что само утверждение в книге отсутствует, а есть только его пересказ, возможно ошибочный — персонаж третьего плана читает публично свои записки бредового свойства; чуть позже, в отрывке 1/50, он обвиняет ранее упомянутого второго персонажа первого плана в преследовании, безрезультатно по причине их бредовости. Фразу про красоту нет возможности считать сюжетно образующей, но она значима в смысле выражения смысла книги, по всей видимости, цитате противоположного; и, вероятно, обвинение, с учётом опальности литератора и возможной слежки за ним, значимо субъективно, но в данном случае это знание только справочное.

Михаил Михайлович Зощенко, «Какие у меня были профессии»: 1, 0

1, 1, 1, 1 «Нет, я особенно не смутился. Думаю, успею дать тигалю. Тем более — кругом народу нету и забор близко. И потому отвечаю с некоторым нахальством: — Нет, не из рабочих, но имею мечту на нечто подобное.»

В точке происходит завязка сюжета, пойманный с полчиным на воровстве праздношатаемый бич-элемент притворяется дегустатором сыра и масла.

1, 0, 1, 1 «Профессия оказалась глупая и бестолковая. Надо пробовать масло особой такой тонкой ложечкой. Надо подковырнуть масло из глубины бочки и пробовать его. И чуть маленько горечь, или не то достоинство, или там лишняя муха, или соль — надо браковать, чтоб не вызвать недовольства среди мировой буржуазии.»

В эпизоде весьма подробно для рассказа описывается профессия, которой автор, по всей видимости, действительно владел, и которой по-быстрому овладел персонаж; ключевые моменты сюжета — взаимная перемена им мест с таким же самозванным дегустатором вина из-за тяжести обоих трудов, казалось бы лёгких, и раскрытие аферы из-за того, что к другому профилю оба оказались пригодны ещё менее — происходят позже.

Фазиль Абдулович Искандер, «Сандро из Чегема»: 1, 0

0, 0, 1, 0 «Если его кто обижал из колхозного начальства или соседей, он никогда не находил, чтобы ответить на обиду сразу, и угрюмо замыкался, а обида, бывало, через много дней вырывалась, иногда в совершенно неожиданном месте.»

В отрывке начало главы «Махаз», где описано убийство пастухом обесчестившего двух его дочерей городского родственника — после первой он дал слово убить в случае повтора, после второй выполнил. Относительно сюжета и главного героя глава отдельна, и сомнительно что выражает личный опыт, но передаёт национальный характер. Смысл книги — народный эпос.

1, 0, 1, 0 «*За несколько месяцев Хазарат ко мне привык, и, хотя глаза у него всегда сверкали, как угли, я знал, что он меня не тронет, и близко к нему подходил*. ... – Если хочешь мне помочь, – наконец говорит он, – принеси метра в два цепь. Мы привяжем её к этой цепи, и больше мне ничего не надо.»

На точку приходится середина главы «Дядя Сандро и раб Хазарат», где главный герой за застольем в кофейной рассказывает историю о том, как попытался помочь бежать человеку, которого другой, живший на отшибе, держал в плену по законам кровной мести.

Пленный попросил, вместо как перепилить цепь, удлинить её, будто бы чтобы расхаживать ослабшие от плена ноги, потом убил пленившего, сам же, оставшись на цепи один, умер с голоду. Обрамляющая глава значима для развития сюжета, рассказ раскрывает одну из граней характера героя; основное, как и в предыдущем случае, передача народного характера эпосом. Примечательно, что в ключевых точках книги, во многом юмористической, находятся подчёркнуто трагические эпизоды меж тем, и оба об отложенной мести.

Николай Михайлович Карамзин, «Марфа-посадница или Покорение Новгорода, историческая повесть»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «1/25 Народ поднял вверх руки: Мирослав был избран!.. „Да здравствует юный вождь сил новгородских!“ – восклицали граждане, и юноша с величественным смирением преклонил голову. ... Если мы чаще могли помогать вам, нежели вы нам, если страны дальние от нас сведали имя ваше, если условия, заключённые Великим градом с Великою Ганзою, оживили торговлю псковскую, если вы заимствовали его спасительные уставы гражданские и если ни хищность татар, ни властолюбие князей тверских не повредили вашему благоденствию (ибо щит Новаграда осенял друзей его), то хвала единому небу!»

Точка приходится на письмо, которое героиня отправила союзному городу с просьбой о помощи; тот потом вероломно отказывает. Чуть раньше, но близко, в пределах страницы из-за малого объёма повести, и потому значимо вопреки 1/25, героиня оглашает народу имя избранного ей военным начальником и мужем её дочери храброго подкидыша. Историческая книга была написана через год после воцарения Александра Первого, вышла через два; первое, что сказал новый государь народу, было «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Всё при мне будет как при бабушке.»; первый его манифест содержал строку «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой».

1, 1, 1, 0 «Так народ дерзко зовёт к себе опасности издали, но, видя их вблизи, бывает робок и малодушен! Одни чиновники кажутся спокойными – одна Марфа тверда душою, деятельна в совете, словоохотна на Великой площади среди граждан и весела с домашними. ... 1/25 Вдруг, закрыв глаза, громко воскликнула: „Мирослав убит! Иоанн – победитель!“ – и бросилась в объятия к несчастной Ксени.»

На точку приходится ожидание героиней, оставшейся в городе, результатов похода, возглавленного избранным ей юношей; в следующем абзаце выясняется, что тот потерпел поражение и погиб. Предположительно, автор, заставший ещё эпоху Просвещения, написал историческую повесть около политической шпильки намеренно, из опасений за судьбы Родины; с другой стороны, новгородская вольница ассоциировалась тогда с французской.

Александр Иванович Куприн, «Поединок»: 1, 0

1, 1, 1, 1 «1/25 - Я слышу, что у вас разговор о поединках. Интересно послушать, сказал он густым, рыкающим басом, сразу покрывая все голоса. ... Теперешний его анекдот заключался в том, что один офицер предложил другому - это, конечно, было в незапамятные времена - американскую дуэль, причём в виде жребия им служил чёт или нечет на рублевой бумажке. И вот кто-то из них, - трудно было понять, кто именно, - Под-Звон или Солуха, прибегнул к мошенничеству... *На ходу он быстро шаркал ногами, приседал, балансировал туловищем и раскачивал опущенными руками с таким видом, как будто он выделял подготовительные па какого-то весёлого балетного танца*. ... Ну, теперь иди себе, братец. Иди, иди, воробышек... попрыгай...»

На точку золотого отношения приходится начало танцев, отвлекающих главного героя от рассказываемой старым полковником истории; чуть ранее находится сама история, о мошенничестве на дуэли; причина её рассказа в возникшем между сослуживцами споре о смысле дуэли. В последнем предложении крайние слова полковника отчаливающему танцевать герою, которого ждёт в финале повести гибель на дуэли из-за обмана, также точке близкие. Повесть написана на автобиографическом материале.

1, 1, 1, 1 «Подумайте, я не могу уважать вас. О, если бы вы были сильный! ... *Шурочка тихо гладила голову и лицо Ромашова; когда же он находил губами её руку, она сама прижимала ладонь к его рту*. ... Потом он так дико ревнив. Он до сих пор мучит меня этим несчастным Назанским.»

Вокруг точки между героем и героиней происходит объяснение, где та, замужняя женщина, говорит ему, что любит его, но отказывает ему из-за его слабости и бесперспективности; затем заходит речь о ревности мужа. В конце повести герой, обманутый то ли героиней, то ли, более вероятно, мужем, убит тем на дуэли, произошедшей из-за формально случайной ссоры; его влюблённость в героиню и стремление убедить её в своём мужестве очевидно причина произошедшему с его стороны, и потому встреча и объяснение в точке это ключевой момент.

Михаил Юрьевич Лермонтов, «Герой нашего времени»: 1, 0

0, 0, 1, 1 «Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. ... *Под вечер, остановив её в дверях, я завёл с нею следующий разговор. - „Скажи-ка мне, красавица, - спросил я, - что ты делала сегодня на кровле*?“ ... „А если б я, например, вздумал донести коменданту?“ - и тут я сделал очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние мои слова были вовсе не у места, я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.»

На точку приходится глава «Тамань»; герой угрожает случайно виденной певшей на крыше и смотревшей в море девушке чисто из шутки, но та воспринимает шутку всерьёз, поскольку ждала контрабандистов, о чём тот мало подозревает. Потом она пробует его убить, он скидывает её из лодки в море; девица остаётся в живых, но он оставляет город обокраденный её поделниками, в компенсацию за то, что их свободу и доходы он поставил под угрозу. Глава в смысле развития сюжета побочна — после переезда он снимает квартиру на какие-то средства безотносительно краже, сопоставление контрабандистов и высшего света следующей главы спорно — но раскрывает характер героя как способный постоять за себя. Повесть автобиографична.

1, 1, 1, 1 «1/50 *Послушай, - говорила мне Вера, - я не хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но ты должен непременно понравиться княгине; тебе это легко: ты можешь все, что захочешь.*и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе. ... *Она не дослушала, отошла прочь, села возле Грушницкого, и между ними начался какой-то сентиментальный разговор: кажется, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно*... .. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!.. Как быть? у меня есть предчувствие... Знакомься с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет...»

На точку приходится первая половина главы «Княжна Мери»; что примечательно, первое золотое отношение главы в паре абзацев от второго золотого отношения всей книги. В ключевой главе произведения герой, по просьбе любящей его знакомой сблизившийся с героиней главы, но вопреки просьбе чрезмерно, из ревности убивает на дуэли упомянутого в цитате персонажа второго плана, рушит жизнь знакомой, и гордо отказывает героине главы. Что примечательно, позже автор книги спровоцировал воспроизведение эпизода практически один к одному, но, вместо как убить знакомого на дуэли, был убит им сам.

Николай Семёнович Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда»: 1, 0

1, 0, 1, 1 «С того, – мурлычит, – я весь вот и поубавился и котом теперь показываюсь тому, кто мало обо мне понимает, что я такое есть в самом деле. Ну, как же нонче ты у нас живёшь-можешь, Катерина Львовна? Как свой закон верно соблюдаешь? Я и с кладбища нарочно пришёл поглядеть, как вы с Сергеем Филипычем мужнину постельку согреваете. ... 1/50 *Проснулся Сергей, успокоил Катерину Львовну и опять заснул; но у неё весь сон прошёл – и кстати. Лежит она с открытыми глазами и вдруг слышит, что на двор будто кто-то через ворота перелез. ... 1/25 По лестнице тихо, с ноги на ногу осторожно переступаючи, действительно кто-то приближался к запертой двери спальни.»*

На точку приходится сон героини, где ей в виде кота снится свёкор, ранее отравленный ей чтобы скрыть измену. По всей видимости кот-призрак отсылает к Шекспиру, так же, как название и содержание повести. В отрывках 1/50 и 1/25, что, по размерам, на той же странице, сон прерывает приближение мужа, при любовнике в кровати; за пределами отрывка раскрытие измены и убийство мужа, центральное из трёх совершенных с участием героини. В следующем после написания повести году автор вступил в гражданский брак, причём оба супруга формально состояли в браках с другими; повесть может иметь субъективный подтекст.

1, 1, 1, 0 «Катерина Львовна подпёрлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг словно демоны с цепи сорвались, и разом осели её прежние мысли о том, сколько зла причиняет ей этот мальчик и как бы хорошо было, если бы его не было. ... 1/25 – *Сходить к Феде: он там один, – произнесла, подымаясь, Катерина Львовна. – Один? – спросил её, глянув исподлобья, Сергей. – Один, – отвечала она ему шёпотом, – а что? И из глаз в глаза у них замелькала словно какая сеть молниеносная; но никто не сказал более друг другу ни слова.»*

В эпизоде к героине приходит решение убить малолетнего племянника, на деньги которого, как выясняется только в начале главы, но за пределами отрывка, убитый ей муж торговал тоже, и потому ребёнок мог бы оспорить её права на наследство. До главы племянника в повести нет вовсе; предположительно, он отсылает к царевичу Димитрию. Следующее за решением убийство, наименее мотивированное из трёх, оказывается в отличие от предыдущих раскрыто, что ведёт к развязке. Субъективность мотивов эпизода сомнительна.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, «Приваловские миллионы»: 0, 0

1, 0, 0, 0 «Вдруг в голове у него мелькнула, как молния, одна мысль, и он совершенно равнодушным тоном спросил: - Я что-то давно не вижу у вас Максима! - Он давно не был у нас, - невозмутимо ответила Ляховская с той же улыбкой. ... *Несмотря на все принятые предосторожности, в характере Зоси рано сказало её мужское воспитание, и она по своим привычкам походила больше на молодого человека. Женского общества она не выносила, и исключение, сделанное для Нади, скоро потеряло всякое значение*.»

В точке раскрывается предыстория характера второй главной героини, которая потом становится женой главного героя, за чем следует развод через какое-то время. Поблизости намекается на охлаждение отношения к ней второго героя, которого затем предпочитает первому главная героиня; в конечном счёте, однако, остающаяся с первым. Примечательно, что второй главный герой упомянут в эпизоде по имени только; много раньше, впервые в книге, по фамилии, а целиком, как одно и то же лицо, появляется позже отрывка. Момент значим для сюжета, но и только; для ключевой важности слишком размыт.

0, 0, 0, 0 «1/50 - Пустяки: Зося упала в обморок... - как-то нехотя ответила Половодова. ... - *Все устроится понемногу, дорогой Василий Назарыч, - успокаивал своего гостя Ляховский. - Главное - здоровье, а наши дела, как погода, - то ведро, то ненастье*. ... На батистовой подушке едва можно было рассмотреть бледное, тонкое лицо Зоси. Глаза казались ещё больше в тёмных кругах, кончик носа обострился, недавно ещё пухлые красивые губы болезненно обтянулись около зубов.»

На точку золотого отношения приходится малозначимый диалог; обрамляет его с одной стороны отказ второго героя, уже, по всей видимости, состоящего в отношениях с первой героиней, второй героине, в результате чего её хватает удар; с другой стороны постепенное выздоровление её. С приличными размерами романа сам значимый для развития сюжета момент отказа, открывающий путь к свадьбе первого главного героя на второй героине, находится более чем в странице от точки, что многовато.

Владимир Владимирович Набоков, «Дар»: 1, 0

1, 1, 1, 1 «На другое утро, когда, с ватой в мозгу, раздражённый и какой-то половинчатый (словно другая половина по случаю раннего часа ещё не открылась), он явился по указанному адресу, выяснилось, что Тамара Григорьевна не только не пришла, но звонила, что прийти не может.»

На точку приходится первый визит героя на квартиру, которую тот намерен снять, где потом происходит основное действие романа. Произведение имеет выраженные автобиографические черты.

0, 0, 1, 0 «*Ольга Сократовна, как добавил бы тут Алданов, мёртвой бы не упала*. ... Но что занимает почётнейшее место в дневнике и особенно важно для понимания многого в судьбе Николая Гавриловича, это – подробное описание шуточных церемоний, которыми густо украшались саратовские вечера. Он не умел полькировать ловко и плохо танцевал гроссфатер, но зато был охоч до дурачеств, ибо даже пингвин не чужд некоторой игривости, когда, ухаживая за самочкой, окружает её кольцом из камушков.»

В точке образец высокой литературоведческой иронии; характеризует эпизод близкорасположенное второе предложение, но и первое тоже. Вся глава посвящена труду главного героя, исследованию жизни писателя Чернышевского, как символа русского материализма и социализма, с мыслью «Что у одного вышло только на словах, а на деле нет, мало выйдет и у многих.». Автор именно ей нажил в эмиграции множество противников из либеральных левых, и, по всей видимости, она действительно то, что он хотел читателю сказать произведением, но к фабуле глава полностью лишена какого-либо отношения.

Владимир Фёдорович Одоевский, «Русские ночи»: 1, 0

1, 1, 1, 1 «1/50 Видишь ли: ночь есть царство враждебной человеку силы; люди чувствуют это и, чтоб спастись от врага, соединяются, ищут друг в друге пособия: оттого ночью люди пугливей, оттого рассказы о привидениях, о злых духах ночью производят впечатление сильнее, нежели днём... ... *Совершенная правда, и вот тому доказательство: за некоторым пределом атмосферы у воздухоплателей шла кровь из ушей, дышать было им тяжело, и они дрогли от холода*. ... Одни приписывали упадок его глухоте, поразившей Бетховена в последние годы его жизни; другие - сумасшествию, также иногда омрачавшему его творческое дарование; у кого вырывалось суетное сожаление; а иной насмешник вспоминал, как Бетховен в концерте, где разыгрывали его последнюю симфонию, совсем не в такт размахивал руками...»

Роман представляет из себя ряд новелл, соединённых философскими беседами Фауста, читающего их из рукописи вслух визитёрам; на точку приходится беседа общего познавательного свойства. Чуть раньше в отрывке предложение, хорошо выражающее объективный смысл и название книги, чуть позже начинается новелла «Последний квартет Бетховена»; композитор так сопоставляется с воздухоплавателем, оба достигают божественных высот ценой риска потери слуха. Отрывок хорошо соотносится со смыслом произведения, и, вероятно, для автора, первого русского музыковеда, субъективно значим; о сюжете далее.

1, 1, 1, 1 «*Сначала это предложение обрадовало Себастьяна: услышать Букстегуда, Рейнкена, которых сочинения он знал почти наизусть, поверить себя, так ли он понимал их высокие мысли; услышать их блистательные импровизации, которых нельзя приковать к бумаге*... .. „Магдалина! сестрица! - сказал ей Себастьян, запинаясь, когда она вошла в комнату. - Отец твой посылает меня в Веймар... мы не будем вместе... может быть, долго не увидимся: хочешь ли быть моею женою? {42} тогда мы всегда будем вместе“...»

На точку приходится середина главы «Себастьян Бах», в эпизоде ментор выхлопотал ему место в большом городе; близко второе, где Иоганн женится на дочери ментора и итальянки, певице. Что служит завязкой истории о том, как она, уже будучи его женой, влюбилась в венецианского тенора, напомнившего ей родину; тенор уехал, жена умерла от любви, Бах же, пытаясь вспомнить её пение, вспоминал только тенора. Арка «небесная глухота Бетховена» — «глухота памяти Баха» объединяет всё произведение; возможно без математической точности относительно золотого отношения, явно корректно считать две главы ключевыми. Иронично, что «ночи» при этом называются «русскими».

Следует отметить, что в жизни всё было совершенно иначе, Магдалена была второй женой Баха, без итальянских корней, и его пережила. Бах мог написать итальянскую канцонетту, в том числе с итальянскими словами, и писал их, но в шутку, потому Одоевский их мало знал — в его время творчество Иоганна Себастьяна только переоткрывалось; по всей видимости, Владимир Фёдорович пришёл к мысли о попытках написать что-то итальянское из следов Вивальди в баховских клавишинных концертах, написанных для набивания руки ещё во время первого брака, в районе 1713-1714го годов; начало же цикла полностью своих концертов датируют 1738м.

Булат Шалвович Окуджава, «Похождения Шипова»: 0, 1

1, 1, 1, 0 «В III Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии получено сведение, что в имении Гр. Льва Николаевича Толстого „Ясная Поляна“ проживают не 10 студентов, как было означено в Вашем донесении за Э 817 от 12 января 1862 г., а до тридцати человек, что не может уже само по себе не вызвать подозрения при нынешних обстоятельствах. Кроме того, стало известным, что в имении Графа оборудованы тайные помещения для устройства типографии и получены шрифты и краски и проч. И что идёт подготовка к печатанию противозаконных изданий.»

В приходящемся на точку отрывке главный герой, тайный агент, посланный разведать нет ли социалистической агитации за созданием Львом Толстым в своём имении народных школ, но затруднившийся до имения доехать, шлёт донесение, содержащее на графа откровенный поклёп. Если предыдущие несли скорее домыслы, и могли быть как-то отмотаны обратно, это есть объективное обвинение и мало обратимо.

1, 0, 0, 1 «„Какой ещё доброжелатель? - вспомнил он, как в полусне. - Какие ещё угрозы? Эвон куды я поднялся-ии! А выше-то куды? Тама - небеса одни!..“ Начинаясь новая жизнь. ... *Михаил Иванович погрузился в изучение снеди, в узнавание, принялся, раздражал себя пуще, пуще, а сам все подкрадывался ближе, ближе, пока не коснулся края стола, и тогда чинно, неторопливо уселся, повязал салфетку (а как же), и налил из пузатого графинчика в гранёную рюмку, и, ещё не успев выпить, почувствовал, что захмелел*. ... Мы знаем о Вас все, Вы раскрыты. Никакие ухищрения Вам не помогут. ... 1/25 Вот и дом, вот и крыльцо, и дверь. Настасья отворила и не узнала. Он отпихнул её плечом; не снимая цилиндра, ринулся в кружевную гостиную...»

В точке главный герой, получив переводом деньги за службу, предаётся довольству, и при этом игнорирует обрамляющие снесь подмётные письма, где ему предлагают пока цел убраться из Тулы, находящейся между Москвой и Ясной Поляной; далее, в отрывке наибольшего возможного размера, пытается в подпитии объясниться со вдовой, на которую положил глаз ранее. Разоблачение аферы, в сочетании с информацией о разгульном образе жизни и изгнании вдовой после попытки вломиться в её дом, следуют за пределами отрывка при какой угодно точности. Назвать его ключевым и передающим смысл книги сложно, более вероятна субъективная обусловленность: ощущением, возможно, зыбкости дохода относительно свободного художника.

Юрий Карлович Олеша, «Три толстяка»: 0, 1

1, 1, 1, 0 «1/25 Негр протянул руку. Он был спокоен. - Стойте! Его голос покрыл крики, шум и свистки. Сделалось тихо, и в тишине спокойно и просто прозвучали слова негра: - Я гимнаст Тибул. ... 1/50 В карете ехал дворцовый чиновник со сломанной куклой наследника Тутти. Она печально прикинула к его плечу чудесной головкой с подстриженными кудрями. ... - Вы доктор Гаспар Арнери? - Я доктор Гаспар Арнери. Дверца кареты открылась. - Садитесь немедленно в карету. Вас отвезут к вам на дом, и там вы узнаете, в чем дело. ... *Они искали доктора Гаспара. Ни капитан Бонаventura, ни гвардейцы не увидели за толпой гимнаста Тибула. Пожалуй, увидев негра, они не узнали бы в нем того, за кем охотились в прошлую ночь. Казалось, опасность миновала. Но вдруг раздалось ехидное шипенье*. ... 1/25 Я продавец детских воздушных шаров. Я бежал из Дворца Трёх Толстяков и попал в подземный ход. Его начало в кастрюле, а конец здесь.»

В эпизоде вокруг точки, с краткими размерами повести довольно маленьком даже при низкой точности, происходит масса событий: один из главных героев книги, гимнаст и борец за свободу, замаскированный учёным доктором под негра, выдаёт себя по принципиальности, в результате вынужден, преследуемый, бежать; при этом обнаруживает, что из дворца, где держат его друга, есть подземный ход, полученное знание потом ведёт к развитию сюжета. Также, в отрывке появляются люди из дворца с механической куклой, забирающие учёного доктора чтобы тот её отремонтировал, что далее оказывается фабульно значимым тоже. Эпизод можно назвать одним из ключевых, он отражает и объективное содержание книги; впрочем, она вся выглядит пронизанной борьбой за свободу, с начала и до конца.

1, 1, 1, 1 «- Не спорьте со мной. Кроме бинокля, у меня есть знания и точное представление о предметах. Вот я вижу куст жасмина, который на латинском языке имеет очень красивое, но трудно запоминающееся имя. ... 1/50 О, Суок прекрасно играла свою роль! Если бы она попала в общество самых настоящих кукол, то, без всякого сомнения, они приняли бы её за такую же куклу. ... 1/25 А сверху, по широчайшей лестнице, такой же маленький и сияющий, спускался навстречу кукле наследник Тутти. Они были одного роста. Суок остановилась.»

На точку приходится малозначимый диалог; далее, на той же или соседней странице, героиня притворяется ранее названной куклой, и происходит встреча её и другого главного героя, ключевой момент сюжета; в книге, посвящённой жене писателя, он имеет и субъективную важность. Из бурности первого и малой точности второго отрывка похоже, что в данном случае золотое отношение скорее интуитивно.

Николай Алексеевич Островский, «Как закалялась сталь»: 1, 0

1, 0, 1, 1 «1/50 Вот сейчас, смотри, ведут политрабому незаметно, а влияние очень большое. ... Несколько минут никто не проронил ни слова. Все находились под впечатлением гибели Овода. ... Не успели его штыком достать, как он гранату себе под ноги ахнул. Сам на куски и кругом положил беляков кучу. ... *Маузер мне в зубы. Семь лет воюю, а нехорошо вышло, оробел. Вижу, убьёт без рассуждения*. ... Когда Крамер успокоился, Павел сказал негромко, но твердо: - Все это правильно, но к будённовцам я перейду - это факт.»

В отрывке вокруг точки, после зачитанного главным героем красноармейцам «Овода» один из них рассказывает пару историй Гражданской, которым сам был свидетелем; в одной красный подпольщик героически пошёл на самоподрыв, в другой своих же насильников красные хлопнули без суда на месте, на точку приходится предложение из рассказа об этом. Герой чувствует себя с политработой лишним, и самовольно уходит в конармию, где хоть риска больше. Для маловнимательного читателя причины решения могут остаться смутными; момент нет возможности назвать ключевым сюжетно, но авторскому замыслу он полностью соответствует. Книга во многом автобиографична.

1, 0, 1, 1 «В доме уже давно спали, а Панкратов все ещё рассказывал о событиях за четыре месяца: - Ещё зимой в Харьков уехали Жаркий, Митяй и Михайло. ... Потом меня этот член комиссии в губкоме встретил и часа три беседовал. Оказывается, гимназистик-то напутал. Выходит, что философия - большое, мудрое дело. ... *Замещаю начальника товарной пристани*. ... - Необходимо, товарищ, воскресить меня в списках организации и направить в мастерские. Сделай об этом распоряжение.»

На точку приходится диалог героя с другом; герой, переболев тифом так сильно, что его считали погибшим, возвращается в город, встречается с друзьями, затем восстанавливается в мастерских. Примечательно, что и в этом отрывке есть контраст учёности и реалий, но уже, по мирному времени, в пользу образования.

Борис Леонидович Пастернак, «Доктор Живаго»: 1, 0

0, 0, 1, 1 «Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к её ходу. ... *Часть персонала уволили, а многие ушли сами, найдя, что им служить невыгодно. Это были хорошо зарабатывавшие доктора с модной практикой, баловни света, фразёры и краснобаи. Свой уход по корыстным соображениям они не преминули выдать за демонстративный, по мотивам гражданственности, и стали относиться пренебрежительно к оставшимся, чуть ли не бойкотировать их. В числе этих оставшихся, презираемых был и Живаго*.»

В точке больница, где врачом служит главный герой, становится советским учреждением. Чуть раньше в отрывке он читает экстренный выпуск газеты о Революции в Петрограде. Роман во многом автобиографичен.

0, 0, 1, 1 «*Вышиб Санька кулаком стекло и фьютъ на улицу, лови ветер в поле. И я за ним. И ещё какие-то. И давай бог ноги. А уже за нами улюлю, погоня*. ... Юрий Андреевич второй год пропал в плену у партизан. Границы этой неволи были очень неотчётливы. Место пленения Юрия Андреевича не было обнесено оградой. ... Это был период почти непрерывного отхода партизан на восток. Временами это перемещение являлось частью общего наступательного плана при оттеснении Колчака из Западной Сибири.»

На точке побочный драматический эпизод вводит в повествование персонажа второго плана, затем быстро отыгрывающего роль и исчезающего. Близко находится начало очередной части, где герой вынужденно, как мобилизованный врач, наступает с красными на восток Сибири. Сюжетно личных событий в эпизоде нет, что, по всей видимости, соответствует замыслу романа, как истории лишнего на фоне эпических событий гения.

Алексей Феофилович Писемский, «Тысяча душ»: 1, 0

0, 0, 1, 0 «*Любовь!.. Я не могу слышать равнодушно, когда этот вздор, фантом, порождённый разгорячённым воображением, чувство, которое родится и питается одними только препятствиями, берут в основание такого важного дела, как брак*. ... *1/25 Тысяча душ, батюшка, удивительно устроенного имения, да денег, которым куда ещё счету никто не знает. ... Но разговор с князем как бы отрезвил его: все советы, замечания и убеждения того пали на плодотворную почву.*»

По центру фраза персонажа второго плана главному герою, прямо соотносящаяся с идеей романа. Затем тот убеждает главного героя, до того колебавшегося между разными женщинами, в пользу брака по расчёту, что ключевой момент сюжета, но происходит это уже за пределами минимального отрывка, при значительном объёме книги, поэтому формально момент нет возможности считать имеющим сюжетное или ключевое значение. Личность произведения сомнительна.

1, 1, 1, 0 «Греха? И того как будто бы не существует для меня в отношении тебя. Кажется, если б меня совершенно убедили, что за любовь к тебе я обречена буду на вечные муки, я и тогда бы не побоялась и решилась. ... *Калинович качал головой*. ... Он поцеловал её в раздумье. – Нет, так любить невозможно! – проговорил он.»

В эпизоде к герою, оказавшемуся без связей и без денег, приезжает, после его письма ей, любящая его девушка, с деньгами полученными от заклада имения. Затем, за пределами отрывка, они какое-то время живут вместе, после чего тот бросает её, женится по расчёту на другой; в конце книги они снова вместе, но он морально переломан, она любит его скорее по старой памяти. Так или иначе, момент в сюжете один из ключевых, и выражает общий замысел.

Андрей Платонович Платонов, «Чевенгур»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «Дванов вскинулся: как развёрстку не берут — кто сказал? Но рябой и сам не знал: не то он действительно это слышал, не то от своего сердца нечаянно выдумал. ... — *Товарищ Копенкин! — сказал Дванов. — Знаешь что: мне охота съездить в город... Обожди меня здесь — я быстро возвращусь... Сядь временно председателем Совета, чтобы не скучно было, — крестьяне согласятся*. ... *1/25 Дванов понял, что это серьёзно, что у революции стало другое выражение лица. До самого его дома больше лавок не встретишь, но пирожки и пышки продавали на каждом углу.*»

В эпизоде один из главных героев, встретив слух о прекращении продразвёрстки военного коммунизма, едет в ближайший город чтобы узнать новости, и обнаруживает там подтверждение слуха и начало НЭПа. Формально подтверждение происходит за пределами точного отрывка, но современный читатель его ждал.

Слово «Чевенгур» первый раз появляется в тексте позже эпизода, именно как антитеза сращиванию социализма с буржуазией: «— Какая-то новая экономическая политика! — тихо удивлялся человек. — Дали просто уличное название коммунизму! И я по-уличному чевенгурцем называюсь — надо терпеть!»; то есть, в известном смысле, роман далее, после приезда героев в саму коммуну, описывает то, что было бы без НЭП, и потому момент следует считать ключевым. Субъективность произведения сомнительна; более вероятно, что роман сознательно написан из идей близких «Истории одного города», в той или иной мере высказанных в справочном отрывке: «1/25 А теперь я тебе погадаю: возьми ты десятую часть от возмужалых, и когда в ичейке столько будет — тогда и кончится вся революция. — Почему? — не понял расчёта Дванов. Кузнец пристрастно объяснил: — Тогда все чудаки к власти отойдут, а народ сам по себе заживёт — обоим сторонам удовольствие...».

1, 1, 1, 0 «1/25 Подручные Пиуси поспешно начали обстреливать узлы и корзины старого чевенгурского населения, — и полубуржуи медленно, без страха, тронулись в спокойные окрестности Чевенгура. В городе осталось одиннадцать человек жителей... *Кирей живыми руками наладил пулемёт и дал его патронной ленте ход на месте. Водя держатель пулемёта, Кирей ещё попевал, в такт быстроходной отсечке пуль, моментально освобождать руки и хлопать ими свои щеки, рот и колена — для аккомпанемента*. ... 1/25 И Жеев, торопимый общим терпением, усердно пробираясь сквозь собственную память, написал символ Чевенгура: „Товарищи бедные. Вы сделали всякое удобство и вещь на свете, а теперь разрушили и желаете лучшего — друг друга. Ради того в Чевенгуре приобретаются товарищи с прохожих дорог“.»

В центре эпизода происходит расстрел табора «полобуржуев», то есть почти всего прошлого населения коммуны, до того изгнанного из неё, и пробовавшего наладить жизнь поблизости; после чего следует призыв в город случайного пролетариата. За пределами отрывка новые жители доедают оставшиеся от прошлого населения продукты и, поскольку все вмняемые и способные к делу люди уже перебиты, начинают, вместо как производить что-то съедобное или полезное, есть подножный корм. В смысле отношений главных героев нет, но в смысле содержания книги момент определённо следует считать одним из ключевых; в каком-то смысле трагический финал произведения это «Что посеешь, то и пожнёшь.».

Борис Николаевич Полевой, «Повесть о настоящем человеке»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «- Читай, читай, прямо для тебя, - настаивал Комиссар. Мересьев прочёл. Повествовалось в статье о русском военном лётчике, поручике Валерьяне Аркадьевиче Карповиче. Летая над вражескими позициями, поручик Карпович был ранен в ногу немецкой разрывной пулей „дум-дум“. С раздробленной ногой он сумел на своём „фармане“ перетянуть через линию фронта и сесть у своих. Ступню ему отняли, но молодой офицер не пожелал увольняться из армии. Он изобрёл протез собственной конструкции...»

В отрывке герой, в госпитале после потери ступней, читает специально найденную другим больным чтобы расшевелить его, пребывающего и в апатии, заметку о русском лётчике, который в похожей ситуации смог вернуться в строй; это становится началом его возрождения. Момент один из ключевых в сюжете, и полностью соответствует смыслу всей книги.

0, 0, 1, 0 «Ведь по нашей земле фашист идёт, наши дома терзает... - А он там? - спросила Анюта, показывая рукой на юг. - Там. И она там, - отвечал Алексей. У самой голубой петли Волги, повыше Сталинграда, он видел маленький кружочек с надписью „Камышин“. Для него это была не просто географическая точка. ... - ...*Нет, вот вы военный, вы скажите: хорошо это? Вот уже больше года мы дерёмся с фашизмом один на один, а? А союзники-с, а второй фронт? Вот вы представьте картину. Воры напали на человека, который, ничего не подозревая, работал себе в поте лица*. ... 1/25 - А теперь вы меня будете учить, идёт? Бурназян мне обещал выписать путёвку на лунные ванны.»

На точку приходится диалог героя в электричке со случайным попутчиком. Сразу после момента, где герой смотрит на вывешенной карте положение на фронте и видит, что его родной город в оккупации, диалог продолжает линию перевода понимания ситуации с абстрактно-массового на человеческий, понятный план, и, по всей видимости, отражает замысел произведения вообще; совсем близко к концу наименее точного отрывка герой договаривается об уроках танцев, что затем оказывается ключевым для решения врачей о его годности, но в целом весь эпизод нет возможности считать ни ключевым, ни значимым сюжетно, он выполняет иные функции. Автор как журналист интервьюировал прототипа героя во время войны, однако субъективность книги весьма под вопросом, повесть выглядит написанной из понимания того, сколько СССР потерял людей на самом деле, и скольким инвалидам нужна духовная опора в чём-то.

Дополнительно следует отметить, что найти такую заметку в советском госпитале пациенту, даже будучи комиссаром, было бы довольно трудно, она это своего рода «бог из машины».

Александр Сергеевич Пушкин, «Барышня-Крестьянка»: 1, 0

1, 1, 1, 1 «„Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую. Прощения просим...“ Лиза хотела удалиться, Алексей удержал её за руку. „Как тебя зовут, душа моя.“ — „Акулиной,“ отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой; „да пусти ж, барин; мне и домой пора.“»

На точку приходится встреча молодого барина и барышни в образе крестьянки, подстроенная ей намеренно, и происходит их договор о следующей встрече; из произошедшей скорее по любопытству шалости складывается фабула. Момент определённо ключевой, кроме того, с учётом известного о личной жизни Александра Сергеевича, может иметь и субъективную значимость.

1, 0, 1, 0 «Лиза выбежала на встречу Григорью Ивановичу. „Что это значит, папа?“ сказала она с удивлением; „отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?“ — „Вот уж не угадаешь, my dear,“ отвечал ей Григорий Иванович, и рассказал все, что случилось.»

В силу обстоятельств возникает нужда барышне показаться молодому барину в своём собственном виде, возникает угроза разоблачения, обстановка накаляется; момент нет возможности назвать переломным, позже она находит выход из ситуации, но комедийный смысл повести он выражает вполне. Кстати, если рассматривать всего «Белкина», то на золотые отношения приходится предложения «Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение.» и «На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем.», то есть общий смысл повестей выходит что девушки достаются гусарам.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, «История одного города»: 0, 1

1, 0, 1, 1 «*На третий день, отпустив пастуха, отправились в серёдку, но тут ожидало бригадира уже настоящее торжество. Слава о его путешествиях росла не по дням, а по часам, и так как день был праздничный, то глуповцы решились ознаменовать его чем-нибудь особенным. Одевшись в лучшие одежды, они выстроились в каре и ожидали своего начальника*. ... Видно было, как вздрогнула на лице его какая-то административная жилка, дрожала-дрожала и вдруг замерла... Глуповцы в смятении и испуге повскакали с своих мест. Кончилось...»

Точка приходится на середину главы «Фантастический путешественник», где очередной градоначальник решает путешествовать по вверенной ему территории, везде сеет хаос и кончает дни свои, с обжорства и алкоголизма, вблизи навозной кучи. Содержанием, как показано в «Частом речи», она одна из наиболее выражающих волнения автора как историка и вице-губернатора. Однако назвать её ключевой трудно.

0, 0, 1, 0 «Прежде нежели начать доказывать, надобно ещё заставить себя выслушать, а как это сделать, когда жалобщик самого себя не умеет достаточно убедить, что его не следует истреблять? — Говорил я ему: какой вы, сударь, имеете резон драться? а он только знай по зубам щёлкает: вот тебе резон! вот тебе резон! Такова единственно ясная формула взаимных отношений, возможная при подобных условиях.»

На точку приходятся авторские размышления в начале главы «Поклонение Мамоне и Покаяние». Эпизод из остальной книги мало выделяется чем-либо, трудно назвать его и субъективно значимым, но мысль его может обобщать её содержание.

Владимир Александрович Соллогуб, «Тарантас»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «*Неурожай у них там какой-то, деревня какая-то сгорела. А мне что за дело? Я человек европейский, я не мешаюсь в дела своих крестьян; пускай живут как хотят, только чтоб деньги доставляли аккуратно. ... Да я знаю, как надо поступать. Сыновей бурмистра в рекруты, неплательщиков в рабочий дом, возьму весь доход на год вперёд да на зиму в Рим*... ... 1/25 – Вот как-с. Ну, а как оберёт он крестьян своих, так тотчас и за границу? – Тотчас. – На житье?.. – На житье... – Поросёнок! – промолвил вдруг красноречиво Василий Иванович и снова повалился на свой пуховик.»

В эпизоде два главных героя встречаются на дороге второстепенного персонажа, приехавшего в Россию только чтобы собрать с имения деньги, и тут же снова уехать жить в Европу. Поскольку ближе к финалу он встречается снова, уже в русском платье, укоренившийся в имении и рассуждающий об избранности России: «Вы знаете, Россия никогда не заносилась духом гордыни, никогда не хотела служить примером прочим народам, и оттого-то Бог избрал Россию.», момент ключевой.

0, 0, 1, 0 «При этом памятном свидании Василий Иванович и Авдотья Петровна поочередно краснели и бледнели, не говоря ни слова. Зато сваха неумолчно и премило шутила, злодейски запуская разные намёки и обиняки насчёт пристыженной четы. ... *Свадьбу праздновали со всевозможной пышностью. Обряд совершал соборный протоиерей. Посажённым отцом у молодой был сам наместник*.»

В отрывке описана свадьба одного из двух главных героев; эпизод целиком посвящён его предыстории относительно событий повести. Хотя жена его упоминается и до, и после, и сам герой, как можно заметить и из обоих отрывков, показан образцом для подражания, момент нет возможности считать ключевым сюжетно; он только отражает тот идеал, который автор читателю хочет преподнести.

Фёдор Кузьмич Сологуб, «Мелкий бес»: 0, 1

1, 0, 0, 0 «*Столь же правилен и спокоен был он в личных сношениях. Самая наружность его являла вид добродушия и стойкости: небольшого роста, плотный, подвижной, с бойкими глазами и уверенною речью, он казался человеком, который недурно устроился и намерен устроиться ещё лучше*. ... – Вы не замечаете, – продолжал Передонов, – что у нас в гимназии скандал может выйти, – и никто не замечает, один я уследил. ... 1/50 – *Вы все думаете, что это – мальчик, – сказал он, насмешливо щуря глаза, – а вот и не мальчик, а девчонка, да ещё какая!*»

В точке описан директор мужской гимназии; в отрывке главный герой книги, учитель, поверив слуху о том, что новый воспитанник на самом деле женского пола, приходит с этим к тому; затем слух мало подтверждается, но становится причиной побочной линии, любви воспитанника и девушки, и далее маскарада с обратным передеванием, почти заканчивающимся плохо. Момент сюжетно значим, но в основной линии нет; книга автобиографична, однако нет возможности сказать, что относительно этого момента именно.

1, 1, 1, 1 «1/50 – *Пиковая дама все ко мне лезет, в тиковом капоте, – пробормотал Передонов. Варвара встала и, ворча и чертыхаясь, принялась отпаивать Передонова какими-то каплями. ... Варвара подбоченилась и поплыла, Передонов плясал перед нею вприсядку. Вошёл Володин и радостно заблеял: – Будущий инспектор трепака откалывает! – Пляши, Павлушка! – закричал Передонов. ... *Марта догадалась, что это – совесть*. ... Вершина опешила. Она до последней минуты не верила в княгиню, но теперь она поняла, что дело с Мартою окончательно проиграно.»*

На точку приходится дрёма персонажа второго плана, в эпизоде далее становится ясно, что женить героя на ней выйдет вряд ли. Близко предыдущее, где герой, уже заметно сумасшедший, получает второе подделанное его любовницей письмо, будто бы обещающее ему место инспектора от имени княгини. За пределами отрывка он женится на любовнице из расчёта на доход, как она планировала, но официального вызова нет, и он сходит с ума окончательно, что ведёт к трагической развязке. В той или иной мере отрывок выражает роман целиком.

Алексей Константинович Толстой «Князь Серебряный»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «*Когда настала ночь, дом был со всех сторон окружён опричниками. Стремянный Вяземского вышел из застольной, будто бы напоить коня. Но, не дойдя до конюшни, он оглянулся, посмотрел на все стороны, подошёл к воротам и просвистал как-то особенно. Кто-то к нему подкрался*. ... - Служить-то я ему послужу, да только ему, а не Морозову. Помогу князю увести боярыню, а потом уж и мне никто не указывай! ... 1/25 *Хомяк! - сказал другой, - что велишь делать с Серебряным? - Не трогать его ни пальцем! Приставить к нему сторожевых, чтобы глаз с него не сводили. Отвезём его милость к Слободе с почётом. Ведь видели вы, как он князь Афанасья Иваныча хватил?*»

На точку приходится начало главы «Похищение»; в главе опричники, под руководством получившего на то разрешение Ивана Грозного персонажа второго плана, пробуют похитить героиню, взаимно любящую героя, но уже вышедшую замуж за другого; в пределах отрывка 1/25 герой пробует воспрепятствовать им, ранит второстепенного персонажа, однако схвачен и увезён ими вместе с ней. Момент можно назвать и переломным и выражающим смысл произведения, но следует отметить, что таких в романе много.

1, 0, 1, 0 «1/50 - *Слушайте!* - продолжал князь. - *Все ли вы хотите, чтоб я был над вами старшим? Может, есть меж вами такие, что не хотят меня?* ... *Никита Романович подошёл прямо к рыжему песеннику. - Отвязывай опричника!* - сказал он. ... *Братцы, говорю я, что бы нам навалиться на него? Ну-тко, робятушки, за мной, разом! И, сказавши, бросились все на татарина. Да куда! Тот только повёл плечами, так всех нас и стряхнул*. ... - Ребята, - продолжал Никита Романович, - кто из нас богу не грешен! Так искупим же теперь грехи наши, заслужим себе прощение от господа, ударим все, как мы есть, на врагов церкви и земли русской!»

В эпизоде главный герой берёт на себя атаманство, чтобы спасти ещё одного опричника второго плана, и направляет шайку, имевшую намерение грабить своих же, на татар, что потом ведёт его и кромешников к прощению Грозным. Эпизод сюжетно значим, и смысл книги отражает вполне, но назвать его ключевым в довольно авантюрном, но и мелодраматическом, сюжете всё-таки сложно по отсутствию любовной линии.

Лев Николаевич Толстой, «Война и мир»

1, 1, 1, 0 «„Давно я ждала тебя“, как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка, своей проявившейся из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пара, вошедшая в круг. Князь Андрей был одним из лучших танцоров своего времени. Наташа танцевала превосходно. ... Наташа, направляясь к ужину, прошла мимо его. Мрачное, несчастное лицо Пьера поразило её. Она остановилась против него. Ей хотелось помочь ему, передать ему излишек своего счастья. ... *Тонкий звук голоса Сперанского неприятно поражал его, и неумолкавший смех своей фальшивой нотой почему-то оскорблял чувство князя Андрея*. ... В середине начавшегося разговора об испанских делах Наполеона, одобряя которые, все были одного и того же мнения, князь Андрей стал противоречить им. ... В середине фразы князь Андрей замолчал и почувствовал неожиданно, что к его горлу подступают слезы, возможность которых он не знал за собой. Он посмотрел на поющую Наташу, и в душе его произошло что-то новое и счастливое. ... „Что-то очень важное происходит между ними“, думал Пьер, и радостное и вместе горькое чувство заставляло его волноваться и забывать об игре.»

В центральном эпизоде один из двух главных героев прозорливо критикует Наполеона, причём подчёркнуто, что голос симпатизирующего завоевателю «тонкий», а смех согласных с ним «фальшивый»; в отрывке вокруг развивается, после первого общего танца, любовь героя к главной героине. Примечательно, что автор попутно уже намекает на перспективы интереса к ней второго героя, в тот момент женатого на героине второстепенной; тот же сам мало свой интерес ещё сознаёт. В силу объёма романа, всё это укладывается в точный отрывок.

1, 0, 1, 0 «Как и отчего это случилось, князь Андрей не мог бы никак объяснить; но после этого свидания с Кутузовым он вернулся к своему полку успокоенный насчёт общего хода дела и насчёт того, кому оно вверено было. ... *Чем хуже было положение всяких дел, и в особенности его дел, тем Пьеру было приятнее, тем очевиднее было, что катастрофа, которой он ждал, приближается*. ... Приехав домой, Пьер отдал приказание своему все знающему, все умеющему, известному всей Москве кучеру Евстафьевичу о том, что он в ночь едет в Можайск к войску и чтобы туда были высланы его верховые лошади. ... 24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение. ... 1/25 Кутузов заметил фигуру Пьера и группу, собравшуюся около него. – Позовите его ко мне, – сказал Кутузов. ... Князь Андрей, выгнав из сарая, увидел подходящего к нему Пьера, который споткнулся на лежавшую жердь и чуть не упал.»

В точке ожидания решительных перемен; в минимальном отрывке вокруг первый герой встречается с Кутузовым, поскольку находится в войсках перед Бородино, второй выезжает за этим из Москвы; в отрывке максимально возможной длины он встречается и с Кутузовым, и, случайно, с первым. Само сражение происходит за пределами отрывков. Момент в эпизоде для сюжета, без сомнений, значим, отражает содержание книги: автор определённо, текстуально доказуемо, имел в виду передать единение и воодушевление перед судьбоносным часом вместо самого часа; однако назвать эпизод сюжетно ключевым трудно.

Иван Сергеевич Тургенев, «Отцы и дети»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «1/50 – Помилуйте, Анна Сергеевна, – воскликнул Аркадий, – я за особенное счастье почту... – А вы, мсье Базаров? Базаров только поклонился – и Аркадию в последний раз пришлось удивиться: он заметил, что приятель его покраснел. ... – А все-таки она прелесть, – промолвил Аркадий. – Этакое богатое тело! – продолжал Базаров, – хоть сейчас в анатомический театр. ... Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме ... *Никаких приказаний не будет, почтеннейший, – ответил Базаров, – разве рюмку водочки соблаговолите поднести*. ... 1/50 – Вот вам и моя Катя, – проговорила Одинцова, указав на неё движением головы.»

В отрывке два главных героя принимают приглашение первой главной героини погостить у неё, где происходит встреча их со второй главной героиней. Отношения между двумя парами потом составляют основу фабулы, момент определённо ключевой; в эпизоде отчётливо видны и характеры, смысл книги он вполне передаёт. Размеры романа относительно скромны, отрывок 1/50 уместается на двух страницах. Авторская субъективность книги о новом поколении весьма сомнительна.

0, 0, 1, 0 «– Да, – начал Базаров, – странное существо человек. Как посмотришь этак сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведут здесь „отцы“, кажется: чего лучше? Ешь, пей и знай, что поступаешь самым правильным, самый разумным манером. Ан нет; тоска одолеет. Хочется с людьми возиться, хоть ругать их, да возиться с ними.»

В отрывке в основном происходит беседа двух главных героев о смысле жизни. Смысл произведения она выражает, в ней даже появляется, первый из двух раз за весь роман, слово «отцы», но каких-либо событий сюжета в ней нет совершенно.

Александр Александрович Фадеев, «Разгром»: 1, 0

1, 1, 1, 1 «1/25 – Вот пришёл к вам в отряд, – начал Мечик, краснея за свои засученные рукава, которые забыл отвернуть. – Раньше был у Шалдыбы... до ранения, – добавил для вескости. ... *И ему казалось теперь, что не может быть речи о какой-то новой жизни с этой отвратительной лошадю: никто не будет видеть, что он уже совсем другой, сильный, уверенный в себе человек, а будут думать, что он прежний, смешной Мечик, которому нельзя доверить даже хорошей лошади*. ... Он не сумел даже хорошенько привязать эту безропотную кобылу, она бродила по всем конюшням, тычась в чужое сено, раздражая лошадей и дневальных. ... – Да где он, холера, новенький этот?.. Чего кобылу свою не вяжет!.. – кричал кто-то в сарае. 1/25 Он так и ушёл, не присоединившись, унося в сердце досаду на себя и обиду на всех, больше на Левинсона.»

В отрывке к красному отряду присоединяется выздоровевший раненный, второй из главных персонажей романа. Ошибкой оставленный без пригляда, он мало на деле вливается в отряд, и среди прочего по этой причине даёт потом, в финале, слабину, совершает предательство. Роман во многом автобиографичен, и довольно краток.

1, 1, 1, 1 «1/25 ...она тут же решила выбросить все из головы и пойти к Мечику, и не было уже в этом ничего зазорного для неё или плохого. ... 1/50 – Какого ты черта сидишь, как тюлень? – быстро зашептал Чиж на уху Мечику. – Тут все уже сговорено, а ты... – Ну, миленькая, ну зачем же! – приговаривал Чиж, зажав ей рот и все больше возбуждаясь от собственной нежности.... – *А я думаю, каждого из нас колупни, – сказал он вдруг, – из нас, – подчеркнул для большей прочности и посмотрел на Морозку, – меня, к примеру, или тебя, или вон Дубова, – в каждом из нас мужика найдёшь*...»

На точку приходится случайный диалог, относящийся к линии развития первого главного героя романа. Перед этим, по скромности ранее упомянутого второго, и безалаберности девушки, она, пришедши именно к нему, спит с другим, и социализация мало устроенного члена отряда проваливается и по этому пункту. Вполне очевидно авторский замысел, вместо как в обычно имеем в виду школьными хрестоматиями третьем персонаже, который в эпизоде появляется только с краю и мельком, а затем героически, но в целом безрезультатно гибнет, и вблизи первой точки отсутствует вовсе при какой угодно точности отрывка, именно в демонстрации причин промахов, что и названию соответствует.

Николай Гаврилович Чернышевский, «Что делать?»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «– Нет, вы необходимы именно, как специалист: вы будете служить щитом благонравия и отличного направления наших наук. – А ведь это правда. Вижу, без меня было бы неблагонравно. Назначайте кафедру. – Например, русская история, очерки из всеобщей истории. ... *Светел и весел был весь обыденный ход дела, постоянно радовал Веру Павловну*. ... А чаще всего причиною веселья для всей мастерской и радости для Веры Павловны бывали свадьбы. Их бывало довольно много, и все были удачны.»

Весь довольно продолжительный отрывок посвящён подъёму швейных мастерских, устроенных главной героиней романа по принципу коммуны; можно заметить, что мастерские становятся почти сразу и центром просвещения.

1, 1, 1, 0 «*Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов. Так вот каков был господин, сидевший теперь в кабинете у Кирсанова. Да, особенный человек был этот господин, экземпляр очень редкой породы*. ... Рахметов выведен для исполнения главнейшего, самого коренного требования художественности, исключительно только для удовлетворения ему; ну, ну, угадай хоть теперь, хоть теперь-то угадай, какое это требование... 1/50 Я просил вас успокоиться, потому что результат моего посещения будет утешителен. Да, я не остановил его, потому что решение его было основательно, как вы сама увидите.»

В эпизоде появляется и подробно описан персонаж второго плана, замешанный на «Герое нашего времени» и пахнущий нигилизмом, но положительный; в отрывке промежуточной длины он объясняет героине мотивы загадочного суицида её мужа, с которого начат роман — тот пошёл на крайний шаг чтобы освободить её, почувствовав, что лишний, поскольку она полюбила другого. Момент в романе один из ключевых, отложен за пределы минимального отрывка, но читатель о нём предупреждён. Сам появляющийся лишь в эпизоде персонаж, по его решительности, и, вероятно, уделённому ему месту, стал одним из героев народовольческой молодёжи, возможно даже в большей степени, чем главные герои романа; похоже, что автор именно такой результат в виду и имел, что довольно изысканно. Кстати, пишут, что Лиля Брик говорила, что роман был любимой книгой Маяковского, и она последнее, что он перечитывал.

Антон Павлович Чехов, «Моя жизнь, рассказ провинциала»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «1/25 Само собою, ни о каких наших правах не могло быть и речи, и свои заработанные деньги мы должны были всякий раз выпрашивать, как милостыню, стоя у черного крыльца без шапок. ... 1/25 – А, здравствуйте! – сказала она, тотчас же узнав меня и протягивая руку. – Очень рада вас видеть. ... От шарфа пахло ландышами, любимыми духами Анюты Благово. ... *Ни брани, ни смеха, ни громких разговоров. Само место обязывало к тишине и благочинию и располагало к тихим, серьезным мыслям*. ... 1/25 За неделю до Рождества приехал доктор Благово. И опять мы спорили и по вечерам играли на бильярде. ... Вы не знаете Марии Викторовны, это умница, прелесть, простая, добрая душа.»

На точке описана работа артели маляров в церкви; довольно близко к этому герой, сын уездного архитектора, последовательно бросавший хлебные, но на его взгляд бесчестные места и пошедший в артель, переживающий соответственно социальные издержки, получает подарок от сочувствующей ему героини; чуть раньше, но в пределах страницы, начинается другая линия, на него обращает внимание дочь инженера, у которого он работал до артели, что продолжается в конце отрывка. В данном случае владение предметом, сознательно или нет, мастерское — в точке церковь, ближе к ней подарок от девушки отношения с которой главного героя остаются, дальше отношения которые кажутся более значимыми, но потом завершаются.

1, 0, 1, 0 «1/50 Я утомился, мало-помалу мною овладели слабодушие, лень, не хотелось двигаться, соображать, и, пройдя немного, я махнул рукой и вернулся назад. ... – Вы, ваше высокоблагородие, изволили покупать без мебели, – нерешительно проговорил он. ... *Когда я делал что-нибудь в саду или на дворе, то Моисей стоял возле и, заложив руки назад, лениво и нагло глядел на меня своими маленькими глазками*. ... От Степана мы узнали, что этот Моисей был любовником у генеральши. ... 1/50 ...Маша говорила, бледнея: – Неужели мы должны жить с этими гадами еще полтора года? А сколько огорчений причиняли нам крестьяне!»

В эпизоде вокруг точки главный герой женился на дочери инженера и вроде бы счастлив, но повальные бессовестность и глупость уже ведут её к тому, что, за пределами отрывка, она уезжает в Америку и бросает его. Момент нет возможности назвать ключевым, но сюжетно он значим, и передаёт ощущение беспробудности, проницающее всю повесть.

Михаил Александрович Шолохов, «Тихий Дон»: 1, 0

0, 0, 1, 0 «*Он коротко всхлипнул, вспомняв своего сынишку, жену, и от этого вспыхнувшего, как молния, воспоминания родилось нетерпеливое желание: „Только бы не на ихних глазах убили!.. И... поскорее*...“ ... 1/50 Она подошла к Ивану Алексеевичу вплотную, часто и бурно дыша, с каждой секундой все больше и больше бледнея. ... Впоследствии Дарья говорила, что она не помнила, как и откуда в руках её очутился кавалерийский карабин, кто ей его подсунул. ... Наша Дашка, стерва проклята-я... - в голосе Дуняшки послышались негодующие слезы, - ...она сама убила Ивана Алексеевича... стрельнула в него... .. Никогда ещё Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он стоял над Дарьей, стояя и раскачиваясь, крепко сцепив зубы...»

В точке персонаж второго плана, председатель сельсовета, о скорой гибели которого эпизод в основном. Далее, в отрывке промежуточной длины, его случайно убивает жена брата главного героя романа, мужа которой до того в военной стычке убили большевики. Главный герой в тот момент среди белых, однако, легко заметить, против этого поступка. Момент сюжетно значим, при рассмотрении последовавших за ним событий ясно, что он один из ключевых, однако, если смотреть на вопрос строго, находится за пределами отрывка; то, что читатель мало подготовлен ожидать такого развития событий, мешает считать его приходящимся на точку. Другое дело, что в ней обречённый коммунист и читатель поставлен в сопереживание ему — это важно.

1, 1, 1, 0 «1/25 Так-то! Наталья начала горячо уговаривать, просила одуматься и не помышлять о самоубийстве, но Дарья, рассеянно слушавшая вначале, опомнилась и гневно прервала её на полуслове... ..Издохну – никто и ох не скажет“, - думала Дарья, и у неё вдруг шевельнулось желание как-нибудь огорчить Наталью, причинить и ей боль. ... Помнишь, он говорил, будто Кудинов приезжал и он с ним просидел? Брехня! Он у Аксиньи был. ... Григорию показалось, будто у пленного под рыжеватыми усами в чуть приметной благодарной усмешке шевельнулись губы... 1/50 – Дайте телеграмму, – бледнея, проговорил Григорий. Он взял сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его, прочитал, сжал в мгновенно запотевшей руке.»

На точку приходится предпоследнее предложение, где герой вступает за пленного белого офицера; в большем отрывке жена брата, ранее получив орден за совершённое убийство председателя, впридачу к нему сифилис от другого белого офицера, в планах совершить суицид, из вредности рассказывает беременной жене главного героя, что герой совершил ей измену; та делает малоудачный аборт и гибнет от потери крови. Герой получает письмо об этом достаточно близко к точке, события и письмо о них её обрамляют; спасение белого офицера во второй точке переключается с убийством большевика вблизи первой, явно автор имел золотое отношение в виду так или иначе. Момент определённо переломный. За пределами отрывка жена брата кончает с собой.

Василий Макарович Шукшин, «Калина красная»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «1/25 – И посажу на каменку. Без паспорта. – Петру самому понравилось, как он сострил. Ещё добавил: – Со справкой. – И хохотнул коротко. – Вот это уже другой разговор! – Егор сел на лавке. И стал раздеваться. – А то начинает тут... Диплом ему покажи! ... – Ты вот чего... девка... Любка, слышь? – опять затормошила Любу мать. – Ты скажи так: вот чего, добрый человек, иди седни ночуй где-нибудь. – Это где же? – обалдела Люба. – В сельсовете. ... Тут из бани с диким рёвом выскочил Петро и покатился с веником по сырой земле ... 1/50 – Убили! Убили! – заполошно кричала Зоя, жена Петра. – Люди добрые, убили!.. – Не ори, – страдальческим голосом попросил Петро, садясь и поглаживая ошпаренный бок. – Чего ты? – Чего, Петька? – спросил запыхавшийся старик. – Попросил этого полудурка плеснуть ковшик горячей воды – поддать на каменку, а он взял меня да окатил.»

В эпизоде главный герой, вышедший после отсидки и приехавший в деревню к женщине, с которой переписывался, социализируется через комический эпизод; мало знакомый с баней, он, в ответ на просьбу плеснуть, плескает, вместо как на каменку, на брата героини; запланированная матерью героини отправка его спать в сельсовет, что могла бы привести к отъезду на следующий же день, случайно расстраивается этим. С учётом размеров рассказа, весь эпизод умещается на странице.

1, 1, 1, 0 «– Чего он? – А вы уже тоже – „бом-бом“ не могли спеть! – упрёкнул всех Михайлыч. – Чего там петь-то! – Да разнбой вышел...»

В отрывке герой, приехав в город, поит и кормит случайных людей, и пробует устроить общее пение, по всей видимости по лагерному опыту, но хор, как и следовало бы ожидать, выходит плохой. За пределами отрывка он возвращается в деревню, пьёт и поёт вместе с одним братом героини, и пение получается; отрывок значим в художественном смысле, как антитеза.

Подсчёт

Выставленные отметки отрывков и оценки «сознательность/подсознательность» следующие.

Таблица 1. Отметки содержания и оценки сознательности золотых отношений прозы.

Автор	1 сюж.	1 ключ.	1 об.	1 суб.	2 сюж.	2 ключ.	2 об.	2 суб.	Соз.	Под.
Аксёнов	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0
Белый	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1
Булгаков	0	0	1	1	1	1	1	1	1	0
Бунин	0	0	1	0	0	0	1	1	1	0
Гоголь	0	0	0	1	0	0	0	1	0	1
Гончаров	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0
Горький	0	0	1	1	0	0	1	1	0	1
Гранин	1	1	1	1	1	0	1	1	1	0
Грин	1	0	1	1	1	0	1	1	1	0
Достоевский	1	1	1	1	0	0	1	0	1	0
Зоценко	1	1	1	1	1	0	1	1	1	0
Искандер	0	0	1	0	1	0	1	0	1	0
Карамзин	1	1	1	0	1	1	1	0	1	0
Куприн	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0
Лермонтов	0	0	1	1	1	1	1	1	1	0
Лесков	1	0	1	1	1	1	1	0	1	0
Мамин-Сибиряк	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Набоков	1	1	1	1	0	0	1	0	1	0
Одоевский	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0
Окуджава	1	1	1	0	1	0	0	1	0	1
Олеша	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1
Островский	1	0	1	1	1	0	1	1	1	0
Пастернак	0	0	1	1	0	0	1	1	1	0
Писемский	0	0	1	0	1	1	1	0	1	0
Платонов	1	1	1	0	1	1	1	0	1	0
Полевой	1	1	1	0	0	0	1	0	1	0
Пушкин	1	1	1	1	1	0	1	0	1	0
Салтыков-Щедрин	1	0	1	1	0	0	1	0	0	1
Соллогуб	1	1	1	0	0	0	1	0	1	0
Сологуб	1	0	0	0	1	1	1	1	0	1
Толстой Алексей	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0
Толстой Лев	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0
Тургенев	1	1	1	0	0	0	1	0	1	0
Фадеев	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0
Чернышевский	1	1	1	0	1	1	1	0	1	0
Чехов	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0
Шолохов	0	0	1	0	1	1	1	0	1	0
Шукшин	1	1	1	0	1	1	1	0	1	0

Для подсчёта был использован одновыборочный критерий Вилкоксона, позволяющий оценить достоверность сдвига среднего выборки относительно константы.

Вероятность того, что в отрывке случайно окажется значимое событие сюжета, была с заведомо кратным завышением посчитана равной 0.5; константы ключевого события, выражения смысла произведения, или субъективно значимого для автора — 0.1. Что, с длиной отрывка в 1/100 от длины романа, или, при длине рассказа двадцать тысяч слов, страницы длиной порядка трёх сотен слов, представляется завышением ещё большим.

Таблица 2. Надёжность сдвигов среднего выборок отметок содержания отрывков золотых отношений произведения русской прозы относительно вероятностных констант, критерий Вилкоксона.

Точка	Параметр	Среднее	Ср. кв. откл	Сравнение	p
Первая	Сюжетная значимость	0.76316	0.43085	>0.5	0.00121
	Ключевая значимость	0.60526	0.49536	>0.1	0.00017
	Объективное выражение	0.92105	0.27328	>0.1	4.70E-09
	Субъективное выражение	0.50000	0.50671	>0.1	0.00710
Вторая	Сюжетная значимость	0.71053	0.45961	>0.5	0.00968
	Ключевая значимость	0.39474	0.49536	>0.1	0.15794
	Объективное выражение	0.89474	0.31101	>0.1	9.54E-09
	Субъективное выражение	0.47368	0.50601	>0.1	0.01667

По всем параметрам, кроме ключевого события во второй точке, средние надёжно больше пороговых величин; в точках золотых отношений произведения русской прозы достоверно оказывается сюжетно значимое событие, ещё более надёжно что-то выражающее смысл произведения; в точке первого золотого отношения событие ключевое, определяющее дальнейший ход сюжета и финал. Кроме того, довольно высока, на уровне одного к одному, вероятность обнаружить в них выражение субъективно значимого для самого автора.

Завышение порога представляется достаточным чтобы перекрыть какие угодно допущенные при выставлении отметок ошибки. Полученный суммарный результат достаточно твёрд.

Отсутствие надёжности ключевого события во второй точке, по всей видимости, обусловлено тем, что в романе-эпосе расстояния значительны, в рассказе нет. Во втором события оказывались бы слишком близко друг к другу, и после второго должно было быть ещё что-то; отклонения от среднего произведений разных длин, вероятно, противонаправлены.

Достоверного сдвига между рядами первой и второй точек нет ни по одному параметру, в рассмотренных отношениях обе значимы одинаково.

Средние общих интегральных оценок следующие.

Таблица 3. Средние интегральные оценки использования золотого отношения в русской прозе.

Параметр	Среднее	Ср. кв. откл
Сознательное использование	0.78947	0.41315
Интуитивное использование	0.18421	0.39286

Только в одном из рассмотренных случаев отметки двух отрывков дают очевидный вывод, что автор мало отслеживал точки золотого отношения и сознательно и интуитивно.

В остальных произведение золотым отношением определено; обусловленности, которая выглядит, как сознательная, заметно больше подсознательной, с $p=8.13 \cdot 10^{-8}$ по двухвыборочному критерию Вилкоксона.

В части случаев, таких, как произведения Булгакова, Гранина, Достоевского, Набокова, Пастернака, Полевого, Соллогуба, Льва Толстого, Чернышевского, Чехова, складывается ощущение математической выверенности; скорее всего, в половине из них как минимум оно основательно даже при максимально возможной субъективно обусловленной ошибке.

Корреляции ни одного из параметров с годом написания произведения нет, что мало удивительно. В самом раннем из рассмотренных, повести Карамзина, золотое отношение уже использовано сознательно и весьма аккуратно; по всей видимости, обучение ему каким-то образом входило в достойное образование эпохи Просвещения.

Равно нет корреляции ни одного параметра и с возрастом ухода писателей из жизни, что тоже логично: если золотое отношение сознательно использовано как технический приём, то о степенях гармоничности самого автора и его жизни оно мало что говорит.

С размерами произведения коррелирует из параметров только сюжетно значимое событие в первой точке, с $p=0.022$, $c=-0.369$, то есть чем больше опус, тем меньше шансов, что оно в точке будет; вероятно, это обусловлено печатью глав сразу по написанию отдельно.

Из корреляций параметров между собой значимо то, что с $p=0.005$, $c=0.535$ если в первой точке происходит выражение смысла произведения, представляющееся скорее целенаправленным, то происходит оно и во второй точке; с $p=0.006$, $c=0.527$ аналогичным образом дело обстоит и с выражением субъективно значимого, представляющимся обусловленным скорее подсознательно. Связи субъективного и объективного в одной точке, или перекрёстной между двумя точками, нет.

Проверка

Так же, как в предыдущих исследованиях на той же базе, возможна проверка полученного результата. Если в точках золотого отношения произведения прозы с высокой вероятностью можно найти сюжетно ключевые и обобщающие смысл произведения моменты, то найдутся таковые и в первой попавшейся книге: с одной стороны, с другой хорошо знакомой. Так же, как и в предыдущих случаях, подходящий пример это повесть братьев Стругацких «Полдень, 22 век».

Аркадий Натанович и Борис Натанович Стругацкие, «Полдень, 22 век»: 1, 0

1, 1, 1, 0 «Юноша провёл глазами по Полю, заглянул через его плечо на ботинки, посмотрел на кибердворника, который покачивался ступенькой ниже Поля, жаждающе растопырив манипуляторы, и, слегка повернув голову, позвал негромко: — Саша, а Саша! Выйди на минутку. К тебе здесь какой-то потерпевший. — Пусть зайдёт, — пророкотал из недр лаборатории знакомый бас.»

Точка приходится на начало главы «Томление духа», где происходит встреча двух из сквозных персонажей, знакомых читателю по одной из первых глав как одноклассники, но уже выросших. Вопреки комедийному началу главы — один ради шутки приходит к другому босой и отрастив бороду — быстро становится ясно, что пришедший в жизни мало смог устроиться, по потере интереса к каждому делу как только оно переставало быть новым и сложным. Оказывается, и в будущем могут быть «лишние люди». Бывший одноклассник устраивает его к себе на агроферму; затем тот же герой встречается читателю в одной из последних глав как космоохотник, добывающий для науки новые виды животных других планет — по всей видимости, только в противоборстве с иным разумом в чуждых условиях он смог найти достаточный себе уровень моментальной сложности. Эпизод довольно запоминающийся, можно считать его одним из ключевых. Авторы писали, что разместили в будущем особо им симпатичных современников, на их взгляд достойных жить в нём, и похоже на то, туризмом он пахнет; но важнее то, что отрывок выражает одну из основных авторских идей, о стремлении человека делать что-то осмысленное и полезное как главном стимуле в человеческой жизни.

1, 0, 1, 0 «— Действительно, — задумчиво сказал Женя, — зачем барану так много ног? Рудак посмотрел на него с подозрением. — Действительно, зачем? — сказал он с неестественным энтузиазмом. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. „Крутит, ой, крутит, борода!“ — думал Женя. ... — *Дальше идут сплошные помехи, — сказала заведующая. — А что это было? — спросил Женя. Он ожидал большего. — Это восход сверхновой. Больше ста миллионов лет назад. Она породила динозавров. Теперь кадр триста пятнадцатый. Это наша гордость. Пятьдесят миллионов лет спустя*.»

На точку приходится второе предложение и середина главы «Загадка задней ноги», где другой сквозной персонаж, бывший космолётчик, оказавшийся в будущем из-за релятивистских эффектов и ставший журналистом по отсутствию возможности заниматься тем же делом дальше, смотрит результаты работы суперкомпьютера, аккумулирующего информацию из прошлого, своеобразного «телевизора времени»; затем участвует в разоблачении шутки, в которой тот же компьютер тайком запрограммировали решать философскую апорию «Буриданов Баран» с намеренными ошибками, и тот в порядке её моделирования начал создавать механических уродцев с лишними ногами. Сам персонаж появляется и после главы, её можно считать сюжетно значимой, и в известном смысле она выражает идею книги — у людей описываемого ей будущего есть юмор, до того в советской фантастике скорее отсутствовавший — однако ключевого значения в ней скорее нет.

Легко заметить, отметки получают те же, что в среднем. В первой из точек ключевым содержательно моментом оказывается драма персонажа, которого во время написания книги называли бы «летуном», затрудняющегося удержаться долго на одном месте по стремлению решать максимально сложные себе задачи.

Авторами, надо думать, полагаемому здоровым как в настоящем, так и в будущем, выражающим одну из главных их идей, совместимости с коммунизмом самореализации из гуманистической психологии Маслоу; и потому, кстати, известной степени индивидуализма.

Во второй точке существенным оказывается наличие у людей будущего чувства юмора, проявляющегося в способности, на фоне решения ими настолько сложных задач, как сбор полноценных картин прошлого из рассеянных в пространстве крупиц информации, тратить время, силы, и средства, на задачи заведомо бессмысленные, решение которых, однако, приносит забавные результаты.

Важность юмора для авторов, при минимальном знакомстве с другими произведениями советской фантастики того времени, в основном мифо-героического свойства, и их же предыдущего творчества освоительно-покорительного плана, очевидна.

На конкретном примере найденные закономерности ещё раз хорошо подтверждаются.

Выводы

В той мере, в которой можно считать русскую прозу мерой искусства вообще, золотое отношение в искусстве действительно широко распространено. Это тем более примечательно, что рассмотрение картины минутное дело, музыкальное произведение или фильм делятся час, тогда как чтение романа занимает многие часы, и всё равно иные из них выглядят выверенными с точностью буквально до слова ради того, чтобы на золотое отношение приходилось именно определённое предложение.

Вблизи точек золотого отношения классической русской прозы с высокой вероятностью находятся значимые моменты сюжета, в первой из двух значимые ключевым образом; и в обеих почти наверняка выражается сконцентрированно то, что автор сознательно или подсознательно имел в виду своим произведением читателю сказать, притом сознательной определённости заметно больше, чем подсознательной.

Из присутствия и второй, однако, можно предполагать, что в среднем однородном и содержательном сообщении достаточного объёма вблизи точек золотого отношения от его длины можно найти ключевую информацию.

Скорее всего профессиональный писатель только сознательно использует уже существующую и обусловленную естественно закономерность, лишь заменяет искусственной передачей важного для произведения естественное выражение себя самого.

При отсутствии такого профессионального знания, в тексте обычном, вместо сознательной целенаправленной передачи какой-то мысли в точках золотого отношения может происходить случайное выражение мысли значимой субъективно; такое знание может быть полезным психологически.

Золотое отношение в произведениях поэзии

Тем исходным материалом поэзии, который был использован в «Частом речи», по возможности полными собраниями сочинений, для измерения её золотых отношений воспользоваться нет практической возможности, оценка каждого стихотворения заняла бы слишком много времени. Поэтому из творчества рассмотренных ранее поэтов было выбрано по одному наиболее, насколько возможно, репрезентативному и крупному произведению: Анненский, «Моя душа»; Ахмадулина, «Моя родословная»; Ахматова, «Поэма без героя»; Башлачёв, «Егоркина былина»; Белый, «Первое свидание»; Берггольц, «Первороссийск»; Блок, «Двенадцать»; Бродский, «Строфы»; Вознесенский, «Оза»; Высоцкий, «Дорожный дневник»; Габриак, «Страна моя...»; Гумилёв, «Мик»; Державин, «Евгению, Жизнь Званская»; Евтушенко, «Братская ГЭС»; Крылов, «Моё оправдание»; Кюхельбекер, «Юрий и Ксения»; Лермонтов, «Демон»; Ломоносов, «Пётр Великий»; Мандельштам, «Кто время целовал...»; Маяковский «Облако в штанах»; Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо»; Окуджава, «Стихи без названия»; Пастернак, «Спекторский»; Пушкин, «Онегин»; Рыжий, «Суждения»; Северянин, «Колокола собора чувств»; Твардовский, «Василий Тёркин»; Тютчев, «Неман»; Фет, «Сабина»; Хармс, «Лапа»; Хлебников, «Ладомир»; Цветаева, «Крысолов»; Саша Чёрный, «Кому в эмиграции жить хорошо»; Чуковский, «Крокодил»; Шефнер, «Василию Третьяковскому посвящается».

Поскольку часть поэм развёрнутого сюжета лишена, часть стихов вообще единомоментна, для каждого отрывка были оставлены только два параметра: первый интегральный, особое выражение смысла произведения и/или ключевой момент сюжета; второй возможное выражение субъективно значимого авторского смысла. Длина поэмы, тем более стиха, существенно меньше длины романа, потому ограничения размеров отрывка были приняты как значимые в пределах $1/25$ от размеров произведения; однако разметка, $1/25$, $1/50$, и $1/100$, в цитатах сохранена для большей очевидности относительно точности использования.

Так же, как и в предыдущей части исследования, приведённые цитаты, вместо формального доказательства, только указания на отрывки золотых отношений; чтобы сделать свой вывод о том, выделяется ли отрывок из остального текста сюжетно или содержательно, читателю, естественно, нужно прочесть соответствующее произведение целиком, и сопоставить отрывок с остальным текстом самостоятельно, в части случаев ориентируясь по приведённому комментарию относительно могущих быть мало очевидными тонкостей.

Иннокентий Фёдорович Анненский, «Моя душа»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Это была теперь ... пожилая девушка, обесцещенная и беременная; 1/50 на её отёчном лице странно выделялись 1/25 жёлтые пятна усов...»

В заметно выделяющемся отрывке белого стиха поэт сравнивает свою поэтическую душу с беременной женщиной; надо думать, имея в виду беременность новыми творческими замыслами. Отделить объективное от субъективного трудно, тональный анализ создаёт впечатление скорее сделанности «от ума», но кто его знает.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Нет, символы, вы ещё слишком ... ярки для моей тусклой подруги. Вот она, моя старая, 1/50 моя чужая, моя складная душа. 1/25 Видите вы этот пустой парусиновый мешок...».

В отрывке продолжается метафорирование, теперь пустым мешком, который обстоятельства и другие люди наполняют чем угодно; выделено заглавное слово «душа». Как и в предыдущем случае, сложно сказать, насколько содержание субъективно, однако подобие двух точек наводит скорее на мысли о сознательном использовании. Таких метафор в стихе только две, обе начинаются в точках золотого отношения.

Белла Ахатовна Ахмадулина, «Моя родословная»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Вольное изложение татарской песни: ... Мне скакать, мне в степи озираться, / разорять караваны во мгле. / Незапамятный дух азиатства / тяжело колобродит во мне.»

В отрывке песня, приписываемая поэтом своему татарскому пра-прадеду; понятия и построение её за пределами того сознания, которым тот бы мог обладать, и по большому счёту она продолжает авторскую мысль, вложенную только в уста другого человека; зато вполне являет содержание произведения, косвенно отсылая к «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы» Блока, то есть речь и о родословной поэтической. Однако и что-то субъективное, поскольку речь о предке и потому косвенно о себе, возможно.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «— Знают люди, знают дети: / я — бессмертен. Я — жандарм. / А тебе на этом свете / появиться я не дам.».

В отрывке монолог, приписываемый жандарму, арестовавшему брата бабушки поэта; брат, по всей видимости, остался бездетным, но бабушка пошла по его стопам и результат в смысле появления поэта на свет остался тем же самым. Слово «дети» намекает на то, что монолог построен в духе Чуковского, «Я кровожадный, / Я беспощадный, / Я злой разбойник Бармалей!», и ритмике Маршака «В доску брякнула киянка: / — Что нам делать без рубанка?»; само слово отсылает скорее к часто использовавшему его Маяковскому, «Жандарм / вопросительно / смотрит на сыщика, / сыщик / на жандарма.». В данном случае поэтическая родословная оказывается важнее фактической, и в обоих точках речь идёт от лица мужчин; во второй субъективное явно отсутствует; скорее всего использование золотого отношения сознательно.

Анна Андреевна Ахматова, «Поэма без героя»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она – Козлоногая, посредине – Путаница, слева – портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим – Донна Анна (из „Шагов Командора“).»

На точку приходится начало второй главы и описание интерьера, в котором героиня пребывает одна, притом, со своими портретами, затем оживающими, сразу в трёх-четырёх лицах. Уже предсказанный до отрывка уход героя — герой, хоть и весьма завуалированный и отсутствующий большую часть действия, в поэме всё-таки скорее есть — «Я оставлю тебя живою. / Но ты будешь моей вдовою» — перекликается с личной жизнью самого её автора, «...А я была его женой.»; архетипичность описанных событий для Серебряного Века, соответственно отыгрывание их многими разными лицами, есть один из основных смыслов произведения. Субъективные мотивы написания очевидны: в известном смысле сам автор предстаёт тут в разных лицах.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Кто застыл у померкших окон, / На чьем сердце «палевый локон», / У кого пред глазами тьма? ... „Помогите, еще не поздно! / Никогда ты такой морозной / И чужою, ночь, не была!“ 1/50 И безмерная в том тревога, / Кому жить осталось немного, / Кто лишь смерти просит у Бога / И кто будет навек забыт. ... 1/25 И дождался он. / Стройная маска / На обратном «Пути из Дамаска» / Возвратилась домой... не одна!»

В отрывке процитированы слова героя, который ждёт героиню у её дома без спроса. В расширенном отрывке, через строфу, он уже назван обречённым, ещё через одну обнаруживает измену возлюбленной, и в пределах страницы кончает с собой, притом ранее процитированная строка из начала поэмы повторяется в точности. Интересно, что, уже после фактического завершения поэмы этим, автор добавила в неё целую треть, ещё главу и эпилог, описывающие, вместо событий предвоенного 1913го, события предвоенного 1941го и военного 1942го, что дало критике основания говорить о том, что произведение о времени вообще. Однако, с точки зрения золотого отношения, пусть без особой точности, добавление вывело в точки, вместо случайных моментов, множественность героини и просьбу о помощи героя, в котором сливаются реальный прототип, и, переносно, поэты Блок и Гумилёв — оба, в известном смысле, покончили с собой, затруднившись принять смену эпохи как измену многоликого времени им, и тогда их стихи это такая просьба. Добавление, с авторским объяснением его как посвящения первым слушателям произведения, заставшим сами исходные поэме события, затем погибшим в Блокаду Ленинграда, делает использование золотого отношения скорее интуитивным; сознательное обращение к погибшим ради точности формы, естественно, исключено полностью.

Александр Николаевич Башлачёв, «Егоркина былина»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «В кройке кумача с паутиною / догорай, свеча! / Догорай, свеча – ... с полтиною!».

На точку приходится переломный момент, запойный алкаш сразу до неё «Эх, Егор, дитя подзатыльника, / вошь из-под ногтя – в собутельники.», сразу после «Всё беседует с космонавтами, / а целуется – с Терешковой, / с популярными да с актрисами...». Какой-либо информации о субъективных основаниях былины нет.

Точка второго золотого отношения: 0, 0

Цитата: «Изодрал судьбу, сгрыз завязочки, / так возьмёшь за 1/50 то дорогой картуз 1/25 с модным козырем лакированным, / с мехом нутряным...».

В следующей строфе, за пределами отрывка, «А за то, что грех стёр портяночки, / завернёшь свои пятки босые / в расписную шаль с моего плеча / всю расшитую мелким крестиком...», повторяющее начало песни, «Дуга цыганская / ничего не жаль / отдаю свою расписную шаль...». До какой-то степени в начале речь идёт от автора, и «шаль» это его повествование. Вообще слово «крестиком» повторяется в песне пять раз. Затем, ближе к финалу, всё произошедшее после перелома оказывается пьяным бредом, «И Егорка здесь – он как раз в тот миг / папирочку и прикуривал, / опалил всю бровь спичкой серною...». На точке середина довольной фазы бреда. Назвать момент значимым, а вторую точку выверенной, трудно. Однако первая слишком точна для случайности.

Андрей Белый, «Первое свидание»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

«1/25 И — возникает в небе ширь / Новодевичий монастырь. ... Из мира, суетной тюрьмы, — / В ограду молча входим мы...»

На точку приходится переломный момент автобиографической поэмы отчасти духовного свойства, автор и названный по имени Сергей Соловьёв в юношеских прогулках посещают монастырь. До точки светская, хоть и одухотворённая жизнь, после храм; визиты в него описаны как регулярные, но каждый раз особенные.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

«О, невозможные моменты: / Струнят и строят инструменты... / Вдруг!.. / Весь — мурашки и мороз! / Между ресницами — стрекозы! / В озонных жилах — пламя роз! / В носу — весенние мимозы! 1/50 Она пройдёт — озарена: / Огней зарнёй, неопалимой... / Надежда Львовна Зарина / Её не имя, а — „во-имя!..“».

Автор перед симфоническим концертом видит героиню поэмы, в которую влюблён; момент, с учётом общей духовности, также явно переломный; сообразность первой и второй точек выглядит скорее сознательной.

Ольга Фёдоровна Берггольц, «Первороссийск»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

«1/50 Горят закатные лучи, / зари багровой свет неистов, / и сходят на берег ткачи, / прядильщицы и металлисты. ... Им плакать хочется и петь, / взвивать ликующие флаги, / но надо дотемна успеть / сгрузиться и раскинуть лагерь. / И вот уже костёр трещит, / уха в большом котле дымится... / Но зло, насупившись глядит / на них казацкая станица...»

На точку ровно приходится строфа где коммунары, в 1917м году собравшиеся строить город-коммуна на Алтае, после долгого и трудного путешествия добираются до места и впервые как-то устраиваются на нём.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

«...Богатство наше / волшебное, — нельзя его раздать. / Чем больше дашь, тем больше нам, папаша, / останется... Смекнул? / — Смекаю, мать! / У вас с собой целковый неразменный. / — Целковый? Эх! Нашёл чем мерить, друг! / Деньгами! Тьфу! Да мы... да их отменят / на той неделе! / — Рази? Это — врут! / И всё-таки бормочут, расходясь: / — Что ж, правильно их женщина сказала — / не жадные. От жадных — вся напасть. / — Вот так бы жить, чтоб кулачья не стало. / — И будем жить... А что — не наша власть?!»

На точке, после того, как коммунары, в отличие от местных, пашут на себе самих, эпизод с бесплатной раздачей каши всем пришедшим, включая местных, у которых лошади есть; однако, легко заметить, она убедительна. В поэме есть и более драматические моменты, но трудно отыскать более универсальное обобщение социализма.

Александр Александрович Блок, «Двенадцать»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: *«Вот так Ванька – он плечист! / Вот так Ванька – он речист! 1/50 Катьку-дуру обнимает, / Заговаривает...».*

В точке центр развития сюжетной линии, начинающейся за пределами отрывка с «– А Ванька с Катькой – в кабаке... / – У ей керенки есть в чулке! / – Ванюшка сам теперь богат... / – Был Ванька наш, а стал солдат / – Ну, Ванька, сукин сын, буржуй, / Мою, попробуй, поцелуй!», и заканчивающейся за пределами отрывка «Лихач – и с Ванькой – наутек... / Ещё разок! Взводи курок!... А Катька где? – Мертва, мертва / Простреленная голова!».

Точка второго золотого отношения: 1, 0

«– Ишь, стервец, завёл шарманку, / Что ты, Петька, баба, что ль? 1/50 – Верно, душу наизнанку / Вздумал вывернуть? 1/25 Изволь! / – Поддержи свою осанку! / – Над собой держи контроль!».

Во второй точке, как ни странно, продолжается та же линия, она теперь о переживаниях революционера: «– Ох, товарищи, родные, / Эту девку я любил... / Ночки чёрные, хмельные / С этой девкой проводил...». Потом точно подтверждается, что как минимум одного человека из-за неё убил именно он: «Помнишь, Катя, офицера — / Не ушёл он от ножа... Али руки не в крови / Из-за Катькиной любви?». Увещевание действует: «Он головку вскидывает, / Он опять повеселел. ... Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи!». В результате, с точки зрения золотого отношения заявленное в начале поэмы «Товарищ, винтовку держи, не трусь / Пальнём-ка пулей в Святую Русь», с учётом тогда же проведённой параллели «...И у нас было собрание. / ...Вот в этом здании. / ...Обсудили — / Постановили: / На время – десять, на ночь – двадцать пять...», практически реализуется; весь хаотический вихрь поэмы иллюзорен, её основа железная логика символического убийства Родины-матери красными как беспутной женщины из ревности, что, может вести только к хаосу, «В переулочки глухие, / Где одна пылит пурга... / Да в сугробы пуховые — / Не утянешь сапога...». Очевидно, что акценты в точках расставлены сознательно, поскольку с обращением внимания на них из хаоса получается система.

Евгений Абрамович Боратынский, «Цыганка»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: *«...говорил, / Ко мне ласкаясь то и дело: / „Тебя я, Сара, полюбил. / Жить одному мне надоело, / Будь мне подругою! со мной / Живи под кровлею одной! / Я нравом весел; живо, шумно, / В пирах и песнях завсегда / Мы будем проводить года“. / Я согласилась безумно. / Что ж вышло? ... Елецкой / Из моих речей / Тобой забыта половина. 1/50 Я говорил: твоя судьбина / Не будет скована с моей! / Покуда любо жить со мною, / Живи! наскучило — прощай, / Былую радость поминай!».*

На точку приходится скандал между главным героем поэмы и пребывающей на его содержании цыганкой, вызванный тем, что герой, ранее избегавший света, бывает в нём снова, ибо увлечён светской дамой, и уже даже начал знакомство с той. Поэма написана после издания пушкинских «Цыган», и в известном смысле инвертирует их сюжет — там ушедшему в табор дворянину изменяет цыганка и он убивает её.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «Дитя! кокетки записной / Постигнув опытную ролю, / Признайтесь: вы играли вволю / Моей безумною душой! 1/50 Вера / Нет! такого мнения / Я не оставлю ни за что! ... 1/25 Неправы ваши заключенья. / Я прямодушна. Я не то / Сказать хотела... Нет... Просите / Руки моей, и если...».

В точке происходит успешное объяснение героя с девушкой света, уговор о свадьбе и совместном бегстве. Однако затем, за пределами отрывка, цыганка поит его отравой, сама же сходит с ума. Легко заметить, точки подобны диалогами, скорее всего целенаправленно. Субъективность оснований формалистического эксперимента и демонстрации того, что два мира мало могут сойтись что так, что сая, сомнительна. Забавно, что отравление перекликается с написанной и вышедшей в то же время маленькой трагедией «Моцарт и Сальери» Пушкина — похоже, что Александр Сергеевич отчасти иронизировал над коллегой и другом.

Иосиф Александрович Бродский, «Строфы»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Дорогая, несчастных ... нет! нет мёртвых, живых. 1/50 Все – только пир согласных / на их ножках кривых. 1/25 Видно, сильно превысил / свою роль свинопас, / чей нетронутый бисер / переживёт всех нас.».

В стихотворении пять раз встречается слово «дорогая»: в конце первой строки второй строфы, начале третьей, начале этой двадцать первой, приходящейся на первую точку золотого отношения, затем шестнадцатой на точке второго, и в золотом отношении двадцать третьей, из двадцати шести, то есть симметричной третьей.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 Дорогая, мы квиты. 1/50 Больше: друг к другу мы ... точно оспа привиты / среди общей чумы. / Лишь объекту злоречья 1/50 вместе с шансом в пятно 1/25 уменьшаться, предплечье / в утешенье дано.».

То, что в обращении к давно бросившей поэта возлюбленной на точку золотого отношения приходится «друг к другу мы / точно оспа привиты / среди общей чумы», вряд ли случайно. Тем более то, что именно в точках находятся строфы, начинающиеся со слова «дорогая».

Справедливости для, поэт балансирует на грани поэм жанрово, у него много стихотворений слишком больших для стиха и слишком маленьких для поэмы; тогда как собственно поэмы менее впечатляют художественно. Подход «лучшее из большего» в данном случае мало репрезентативен, корректнее «большее из лучшего» — однако в разных стихах золотое отношение разное. В «Большой элегии Джону Донну», к примеру, оно интуитивное, в пределах 1/25 от второй точки строка «Нет, это я, твоя душа, Джон Донн», притом сам автор говорил, «...когда я написал первую половину этой элегии, я остановился как вкопанный, потому что дальше было ехать некуда. ... Я понимал, что человек может слышать во сне или со сна в спальне ночью эти вопросы, к нему обращенные. Но от кого они исходили, я не понимал. ... И вдруг до меня дошло — и это очень уложилось в пятистопный ямб, в одну строчку: „Нет, это я, твоя душа, Джон Донн“...». В других использование выглядит сознательным, но во многих отсутствует. В данном случае сам выбор стихотворения достаточно субъективен; однако нужно было выбрать какое-то, тогда как это подытоживает стоившие Родины личные отношения.

Андрей Андреевич Вознесенский, «Оза»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 некогда думать, некогда, / в офисы – вагонетки, / есть только брутто, нетто – / быть человеком некогда! 1/50 Вот мой приятель-лирик: / к нему забежала горничная... / Утром вздохнула горестно, – / мол, так и не поговорили! ... Ангел, об чём претензии? / Провинциалочка некая! / Сказки хотелось, песни? / Некогда, некогда, некогда!».

Поэма посвящена любви в век научного прогресса и автоматизации, и посвящена жене поэта, которую тот совершенно безрассудными поступками увёл у другого; в первой точке, как антитеза, приводится история из жизни другого поэта — а может и того же самого автора.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Я пытаюсь заслонить собой прошлое, чтобы ты / никогда не разглядела майданеков и инквизиции. ... Твои зубы розовы от помады. / Иногда ты пытаешься подладиться ко мне. 1/50 Я замечаю, что-то мучит тебя. Ты что-то / ёрзаешь. „Ну что ты?“ / Освобождаясь, ты, довольная, выпаливаешь, 1/25 как на иностранном языке: „Я получила / большое эстетическое удовольствие! / А раньше я тебя боялась... А о чём ты / думаешь?...“ / Может, её называют Оза?».

В отрывке первый разговор героя и героини в поэме; героиня существенно моложе прототипа и героя, ей всего семнадцать, и тот воспринимает её, поскольку завтрашний день она представляет лучше истории, как живущую из будущего в прошлое; тогда же идея, что занимательно, была позаимствована братьями Стругацкими в книгу «Понедельник начинается в субботу». Так или иначе, на точку приходится момент, где герои поэмы вместе и разговаривают, до и после такое отсутствует; в целом, с учётом антитезы в предыдущей точке, использование золотого отношения выглядит сознательным.

Владимир Семёнович Высоцкий, «Дорожный дневник»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Оказал ему услугу ... И оркестр с перепугу, / И толкнуло их друг к другу – / Говорят, что сквозняком, / И ушли они, не тронув / Любопытных микрофонов, / Так как не было талонов / Спрыснуть встречу коньяком.».

Цикл — единственное крупное произведение поэта опубликованное прижизненно, что оставляет мало альтернатив; создан во время поездки с женой, французской актрисой, из России во Францию на автомобиле, что по тем временам было чем-то из ряда вон выходящим. В отрывке достаточно прозрачно описано их знакомство, на точку приходится момент как они вместе покинули банкет на котором познакомились.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «К центру – „просто“ – стремлюсь, поспешаю я, / Понимаю, дивлюсь, что в Варшаве я. / Вот она, многопослевоенная, / Несравнимая, несравненная, – / Не сравнили с землей, оглашенные, / Потому она и несравненная.».

В части до того описана задержка помощи советских войск Варшавскому Восстанию 1944го года, и герои спешат как бы чтобы загладить: «А может быть, разведка оплошала – / Не доложила. Что теперь гадать! / Но вот сейчас читаю я „Варшава“ – / И еду, и хочу не опоздать!». Локально отрывок «в сюжете», но можно заметить определённый момент тонкой фронды, поскольку в нём трудно понять, кто именно были оглашенные, фашисты или свои; по всей видимости, входящей в авторский замысел и выделенной золотым отношением потому.

Черубина де Габриак, «Страна моя...»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «Будто мороком сердце ужалено, / Только морок желанней, чем явь, / По морям, по лесам, по прогалинам, / Вскачь и вплавь.».

Относительно длинных стихотворений поэта мало, что оставляет мало выбора; это отсылает к «Двенадцати» Блока, инвертируя их, тут с Россией ассоциируется избранник: «Обернулся Иваном-Царевичем, / А взглянула, за поясом нож.», «Иван» — «Ванька», прямо перед строфой точки «Мчимся в тройке с звонками да свистами, / Польшая бесовским огнем...»; строфа же отсылает и к поэтике Серебряного Века вообще.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «Разольется ночами бессонными / Неумный разбойничий хмель... / Буду ночью стоять пред иконами, / Расплетая твою же кудель.».

В отрывке появляется впервые «кудель», продолжаемая и в конце части «Не порву, все по нитке распутаю, / Двух концов узелком не свяжу», и в конце стихотворения, «И зовет, зовет за окном метель, / и поет, поет под рукой кудель... / Нитка тянется, / свечка теплится...»; героиня предстаёт анти-Мойрой и анти-Александром, готовой распутать Гордиев узел России там, где тот же Блок рубанул. Примечательно, что обрамляющие части много меньше основной, и подталкивают её центральные по смыслу эпизоды в точки золотого отношения, что выглядит сознательным; стихотворение представляется и личным тоже, но сознательным выглядит больше.

Николай Степанович Гумилёв, «Мик»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «За этою горой есть дом, / И в нём живёт мой сын в плену. / Я видел, как он грыз орех, / В сторонке сидя ото всех. / Его я шёпотом позвал, / Меня узнал он, завизжал, / И разлучил нас злой старик, / С лопатой выскочив на крик. / Его немисливо украсть, / Там псы могучи и хитры...»

В точке собравшаяся по ходу повествования тройца героев: убежавший из рабства сын убитого вождя африканского племени, убежавший сын английского посла, и умеющий разговаривать павиан; встречает второе из трёх героических испытаний — сын павиана находится в плену. Далее сын посла просто выкупает его, обнаруживается, что в плену тот жил с комфортом; до какой-то степени выкупленный противопоставлен главному герою, но павиан просто прогоняет сына, так что приключение назвать переломным моментом нет возможности. Интересно, что потом, придя в город обезьян, павиан использует визг маленького щипаемого «обезьянёнка», чтобы созвать всех обезьян на выборы, но, по всей видимости, уже другого; тем более занимательно, что все три встреченных испытания тупиковы сюжетно, преодолены повествованием «в обход».

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «Но всё наскучило Луи — / Откос, шумящие струи, / Забавы резвых обезьян / И даже Мик и павиан. / Сдружился он теперь с одной / Гиеной старой и хромой, / Что кралась по ночам на скат, / Чтoб воровать обезьянят. ... 1/25 Он, верно, слышал, что внизу, / В большом тропическом лесу / Живут пантеры? Вот к кому / Спуститься надо бы ему!».

В отрывке сын посла, ставший вождём племени обезьян — изначально трон предназначался освободившему павиана главному герою, сыну вождя, но павиан пообещал сменить решение за освобождение своего сына — слушает лживую гиену, затем, поверив ей, идёт вниз, чтобы править у пантер. Пантеры его убивают, и главный герой уходит из племени в попытках найти дорогу в мир мёртвых, чтобы снова быть с другом, однако безрезультатно. Момент переломный сюжетно, и даже графически, город обезьян находится в горах и высшая точка произведения; кроме того, похоже, что сын посла отчасти автобиографичен. Меж тем, суммарно назвать использование золотого отношения сознательным нет возможности, первая точка малозначима.

Гавриил Романович Державин, «Евгению, Жизнь Званская»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «Багряна ветчина, зелены щи с желтком, / Румяно-жёлт пирог, сыр белый, раки красны, / Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером / Там щука пёстрая — прекрасны!».

Автор зазывает друга к себе в усадьбу многими разными аргументами: «Возможно ли сравнить что с вольностью златой», «Иду за круглый стол: и тут-то раздобар / О снах, молве градской, крестьянской», «И где, случается, художники млада / Работы кажут их на древе, на холстине», «Играем в карты мы, в ерошки, в фараон, / По грошу в долг и без отдачи.», но весьма разумно в точке золотого отношения оказывается именно застолье из всего свежего и выращенного под собственным приглядом, а также многокрасочное.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Иль смотрим, как бежит под чёрной тучей тень ... 1/50 По копнам, по снопам, коврам жёлто-зелёным ... И сходит солнышко на нижнюю степеню / К холмам и рощам сине-тёмным. 1/50 Иль, утомясь, идём скирдов, дубов под сень; 1/25 На бреге Волхова разводим огонь дымистый; / Глядим, как на воду ложится красный день, / И пьём под небом чай душистый.».

Целенаправленность золотого отношения подтверждается тем, что во второй точке, после продолжения ряда увеселений, также чревоугодие, только слегка завуалированное.

Справедливости для, в других одах и поэмах Гавриила Романовича золотое отношение где очевидно — «...Кто хочет, стань на холм высоко / И кинь со мной в долину око / На птиц, на сей парящих стан. / Зри: в воздухе склбьясь волнистом, / Как грудью бьёт сокол их с свистом, — / Стремглав падёт сражённый вран. / Так козни зла все упадают...»; где зашумлено обилием событий или восхвалений. Выбор примера субъективен; но естествен.

Евгений Александрович Евтушенко, «Братская ГЭС»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Гремит / „Авроры“ эхо, / пророчествуя нациям. / Учительница Элькина / на фронте / в девятнадцатом ... Учительница Элькина / раскрывает азбуку. / Повторяет медленно, / повторяет ласково. ... 1/50 „Чего ты нас мучишь? / Чему ты нас учишь? / Какая Маша! / Что за каша!“ ... Выдай нам, / глазастая, / такое изречение, / чтоб схватило за сердце, — / и пойдет учение... .. Трудно это выполнить, / но, каноны сламывая, / из нее / выплыло / самое-самое, / как зов борьбы, / врезаясь в умы: / „Мы не рабы... / Рабы не мы...“ ... И повторяли, / впитывая / в себя до конца, / и тот, / из Питера, / и тот, / из Ельца, / и тот, / из Барабы, / и тот, / из Костромы: / „Мы не рабы... / Рабы не мы...“ ... Лежат, / убитые, / среди / чабреца / и тот, / из Питера, / и тот, / из Ельца, / и тот, / из Барабы... И выдохнул / мучительно, / уже из смертной мглы: / „Мы не рабы, / учителька, / Рабы не мы...“».

В первой точке поэмы находится глава «Азбука революции», если с учётом отрывка 1/25, то целиком. До того большую часть текста занимает символистский диалог египетской пирамиды и Братской ГЭС, метафорически выражающих старый дореволюционный строй, обобщённо представляемый рабовладельческим, и новый, представляемый свободным; старое отношение ранее уже подробно изложено во вставных песнях рабов и надсмотрщиков, на точке же выражается новое. Примечательно, что в фокусе наименьшего, прецизионного отрывка, находится конец главы, где фразу повторяют бойцы Красной Армии, гибнущие поголовно.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 И я встала, тайгу окликаю, / вместе с нашей гурьбой озорной, / не могучая никакая / над могучей рекой Ангарой. 1/50 Впрочем, был чемоданчик фанерный / с незаманчивым всяким тряпьем, / и висел для сохранности верной / небольшенький замочек на нем. / Но в палатке у нас нетуманно / заявили, жуя геркулес, / что с замочками на чемоданах / не построить нам Братскую ГЭС. ... Виновато я сжалась в комочек, / и, на стройку идя поутру, / я швырнула тот чертов замочек / и замочек с души — в Ангару! / Стали личным имуществом сосны, / цифры мелом на грубых щитах / и улыбки, а слезы — так слезы / у товаров моих на щеках. ... Страшный ветер меня колошматил, / и когда уже не было сил, / то мне чудился председатель, / как он с Лениным говорил. / И опять я долбила под грохот / и жила и дышала одним: / не захлопнется крышка гроба / ни за Лениным, ни за ним! / И я верила в это не словом, / не пустою газетной строкой, / а я верила своим ломом, / и лопатой, и киркой.»

Во второй точке вторая половина главы «Нюшка», причём в точный отрывок попадает, вместо приезда девушки на Ангару и начала работы, её коммунизация, отказ от собственности; из веры в то, что способ сохранить развитие есть общий труд, вместо как личное приспособленчество, даже если второе комфортнее первого. Поэма в отрывке подводит читателя к отождествлению себя со строителями, надо думать из расчёта сподвигнуть его на что-то вроде; и в обеих точках женщины. К слову, по современным научным представлениям строили египетские пирамиды свободные люди, движимые приблизительно теми же смыслами, что описаны в отрывке, объективно же за еду и одежду. Так или иначе, использование золотого отношения в поэме представляется очевидным, тогда как личность и субъективные основания её сомнительными.

Сергей Александрович Есенин, «Пугачёв»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Эта весть о том, / Что какой-то жестокий поводирь / Мертвую тень императора / Ведет на российскую ширь. / Эта тень с веревкой на шее безмясой, / Отвалившуюся челюсть теребя, / Скрипящими ногами приплясывая, 1/50 Идет отомстить за себя... .. Оболяев / Это только веселая басня! / Ты, конечно, не за этим пришел, / Чтоб рассказать ее нам? ... Пугачев / Разве важно, разве важно, разве важно, / Что мертвые не встают из могил? 1/50 Но зато кой-где почва безвлажную / Этот слух словно плугом взрыл.»

В отрывке главный герой поэмы начинает издали речь, которую за пределами отрывка оканчивает «По курганам синим / Мы живых голов двинем бурливый флот. ... Послушайте! Для всех отныне / Я — император Петр!». До того он, имея такой план, только приглядывался, и начало бунта было без него, речь уже после.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Третью страны мы как войско выставили. / Нынче ж в ночь потеряет враг / По Приволжью все склады и пристани. / Шигаев / Стоп, Зарубин! / Ты, наверное, не слыхал, / Это видел не я... / Другие... / Многие... .. В испуге крестясь на звезду, / Все считают, что это страшное знамение, / Предвещающее беду. / Что-то будет. / Что-то должно случиться. / Говорят, наступит глад и мор, / По сту раз на лету будет склевывать птица / Желудочное свое серебро. / Торнов / Да-да-да! / Что-то будет! / Повсюду / Воют слухи, как псы у ворот, / Дует в души суровому люду / Ветер сырью и вонью болот. / Быть беде! / Быть великой потере!».

В отрывке шедший до того, начиная с решения героя стать «царём», рост оптимизма в отношении восстания, переламывают фантастические и панические слухи. Главу завершает «Зарубин / Верьте, верьте! / Я вам клянусь! / Не беда, а неожиданная радость / Упадет на мужицкую Русь...», но в следующей главе с самого начала описаны последствия поражения, «Чумаков / Что это? Как это? Неужель мы разбиты?», а в следующей за ней, последней, героя вяжут свои же, чтобы выкупить им свои жизни. Решение оригинальное, напоминает Шекспира; момент переломен, за ним скрыта интересная и глубокая мысль, что герой взлетел оседлав молву, потому падение его закономерно было вызвано молвой же; основание поэмы в сомнениях поэта о своём будущем маловероятно.

Иван Андреевич Крылов, «Моё Оправдание»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 Ты в поступке видишь этом, / Будто с целым женским светом ... 1/50 Злую я веду войну. / Так пастух в лесу тенистом, ... Голосом пленяясь чистым ... 1/50 Милой пёночки своей, ... 1/25 Чтоб дать боле места ей, / Прочь от дерева гоняет / Глупых каркливых ворон...».

Поэт объясняется с возлюбленной, отношения с которой испортились после его басен, под масками разных животных критиковавших и женщин тоже; в отрывке концентрированно выражены суть претензии подруги и того своего отношения, которое породило подразумевающие женщин басни.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Ты притворства ненавидишь — ... Нужды в нём себе не видишь — / И к чему тебе оно? / Всё судьбой тебе дано, / Чтоб тобою восхищаться! / Для чего же притворяться?».

В отрывке на точке второго отношения следует основной аргумент дискуссии, мысль, что если в самой возлюбленной притворства нет, то тогда басенная критика притворства — думается, можно найти то вполне конкретное произведение, что спровоцировало конфликт — мало бы и беспокоила; но выражена она очень и очень аккуратно. В психологическом смысле стихотворение можно даже было бы назвать уроком, и понятно, что оно целиком хорошо обдуманно, включая и то, что именно в его ключевые места поместить.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, «Юрий и Ксения»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Пора мне обратиться к вам, / Красавицы! — не вы ль певцам / Даёте жар и вдохновенье? ... Певцы, касаясь арф согласных, / Улыбки жаждут уст прекрасных. ... Скажите: чьё они вниманье, / Сквозь тонкую завесу мглы / Хотят увидеть? — Чьи хвалы / Блаженство их, когда их струны / Бросают в мрак времён перуны... .. Не ваши ли рукоплесканья / И мне прельстители — мечтанья / Вливали в алчный слух подчас? / Очами духа зрел я вас... .. Шептал я: „Дева лет грядущих / Под сению сирен цветущих, / При тихом лепете ручья, / При стоне томном соловья, / На длань приникнет головою, / Прочтёт рассказ мой и — слезою...».

На первое золотое отношение историко-фантастической поэмы приходится первое и единственное в ней авторское отступление, обращение к читательницам далёкого будущего. Странность его обусловлена тем, что поэма начата в одиночных камерах после Декабрьского Восстания, без надежды устроить личную жизнь, и даже напечатать её под своим именем; закончена когда поэт был переведён на положение ссыльного. Через год после этого он женился, но прожил ещё всего лишь десять лет в силу подорванного здоровья; поэма же опубликована была, как пишет критика, частично в 1908м, полностью в 1939м, более чем через сто лет после написания.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Уже заносит в близкий дол: / И вот привёл ловцов сокол / К деревне светлой и приветной. ... Там вправо. — Праздник, брат, у вас? — „Боярин наш повёл тотчас / К венцу невесту“, — так насили / Промолвить удалось Ермилу... .. „Друзья, окажем честь обетам, / Которые боярин мой, / Мой верный Юрий Удалой, 1/50 Пред богом в божией святине / С невестой произносит ныне“... .. 1/25 Что ж? стал и обомлел властитель... / А бога высшего служитель / Уж подходил с святым крестом. / Но тут зарокотал не гром: / „Стой!“ — крикнул князь, и все трепещут...»

В отрывке второстепенный персонаж, князь, как было дважды до того предсказано ведьмой, вслед за своим соколом оказывается на свадьбе главного героя, своего боярина, и расстраивает её, за пределами отрывка женясь на невесте, которую сам боярин отбил у помянутого Ермила. Боярин и Ермил уходят вместе в монахи; потом княжна создаёт женский монастырь на том месте, где боярин похоронен, Ермила вообще мало признав.

Насколько можно понять, такова, в той или иной мере, мифическая предыстория реального Отроч Успенского монастыря в Твери; что же до исследования, то вполне очевидно переломный момент произведения приходится на точку; в целом использование золотого отношения представляется скорее сознательным.

Михаил Юрьевич Лермонтов, «Демон»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «1/25 И в монастырь уединенный / Ее родные отвезли, / И власницею смиренной / Грудь молодую облекли. / Но и в монашеской одежде, / Как под узорною парчой, / Всё беззаконною мечтой / В ней сердце билось, как прежде. ... 1/50 Под сводом сумрачного храма / Знакомый образ иногда / Скользил без звука и следа / В тумане легком фимиама; / Сиял он тихо, как звезда; ... Манил и звал он... но – куда?.. В прохладе меж двумя холмами / Таился монастырь святой. / Чинар и тополей рядами / Он окружен был – и порой, / Когда ложилась ночь в ущельи, / Сквозь них мелькала, в окнах кельи, / Лампада грешницы младой...».

На точку приходится отрывок где героиня, искушаемая героем-демоном, в попытке избежать соблазна попадает в монастырь; точный отрывок это описание самого монастыря, идиллическое контрастно предыдущим событиям. Ключевой или выражающей основную идею произведения эту реминисценцию назвать сложно.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 Они текли в венцах из золота; / Но что же? Прежнего собрата / Не узнавало ни одно. / Изгнанников, себе подобных, / Я звать в отчаянии стал, / Но слов и лиц и взоров злобных, / Увы! Я сам не узнавал. / И в страхе я, взмахнув крылами, / Помчался – но куда? Зачем? / Не знаю... прежними друзьями / Я был отвергнут; как Эдем... Так ранней утренней порой / Отрывок тучи громовой, / В лазурной вышине чернея, / Один, нигде пристать не смея, / Летит без цели и следа, / Бог весть откуда и куда! / И я людьми недолго правил, / Греху недолго их учил, / Всё благородное бесславил / И всё прекрасное хулил; / Недолго... пламень чистой веры 1/50 Легко навек я залил в них... / А стоили ль трудов моих / Одни глупцы да лицемеры? / И скрылся я в ущельях гор; / И стал бродить, как метеор, / Во мраке полночи глубокой...».

В точке отрывок где герой объясняется с героиней и рассказывает свою предысторию, вполне очевидно парафраз автобиографии автора, причём на точке ни начало, ни конец, а метафора странничества. В данном случае использование золотого отношения выглядит скорее интуитивным.

Михаил Васильевич Ломоносов, «Пётр Великий»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «Выводит нас с собой на красное крыльцо. / Опасность, слезы, гнев покрыл ее лицо; / И Брата и Меня злодеям показала, / И, чтоб покоились, со властью увещала. / Толпами наглые навверх взбегали к Нам, / И, мы ль то, кликали обеих по именам. / Обличены вконец и правдой и присутствием, / Хотят оставить злость несправедну с бесстыдством / И часть бунтующих в обратный бьют поход. / Царевна, усмотрев, что тихнет злобный род, / Коварство новое в погибель составляет...».

В отрывке герой поэмы, Пётр Первый, по пути в Архангельск с намерением защитить его от шведов, останавливается в Соловецком монастыре, и рассказывает его настоятелю, архимандриту Фирсу, историю стрелецкого бунта 1682го года; в точном отрывке мать Петра, Наталья Кирилловна Нарышкина, выводит его и его брата Ивана на балкон перед восставшими стрельцами, основной резон которых в том, что, де, Ивана уже убили, чтобы освободить дорогу на трон Петру. При этом жизнь самого Петра впервые подвергается серьёзной опасности. Можно усмотреть резон в том, что поэма являет Петра возможному критику «чрезмерного замаха» так же, с риском критика уподобиться стрельцу, судьба которых в конечном счёте оказалась плачевна.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 И солнце, к нам спеша в обратной колеснице, / Готовит новый блеск Российской багрянице, / Чтоб нашей радостью украсить новый год, / Вторично угобзить успехами поход. ... 1/50 Чтоб гордостью своей наказанный Берлин / Для беспокойства царств не умышлял причин / И помнил бы, что Петр ему был оборона: / Его десницею удержана Корона, / Чем ныне красится среди земных Владык. / Великим он Петром на свете стал велик. ... О коль бы в жизни я благополучен был, / Когда бы действие усердных ваших сил, / Изобразив в водах прохладной Ипокрены, / Воспел, с подвижники Петровыми сравненны, / Елисаветиных певцем бы стал побед; / Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.».

На точку приходится обращение к читателям, подразумеваемых людьми военными, и объясняются смысл и цель поэмы — давние подвиги воспеты в свете ожидаемых новых. Использование золотого отношения выглядит сознательным; есть отчасти и личный мотив, конфликты с «немцами» в Академии, но он вторичен.

Осип Эмильевич Мандельштам, «Кто время целовал в измученное темя...»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: *«Век. Известковый слой в крови больного сына / Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь ... 1/25 И некуда бежать от века-властелина... Снег пахнет яблоком, как встарь.»*

Сохранившихся хоть чуть-чуть длинных стихов Осипа Эмильевича только три, это, затем хаотичное уже/ещё на уровне размера «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», и слишком сложное для разбора, амбивалентное «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», что оставляет мало выбора. Всё это стихотворение пронизано, среди прочих, двумя символами: яблоком грехопадения, появляющимся почти сразу, «Кто веку поднимал болезненные веки — / Два сонных яблока больших...», и рыбой Христа. Также, к примеру, можно найти в нём глину Адама, но глина быстро заканчивается, к точке уже отсутствует; в отрывке же третье появление слова «яблоко», после двух в начале; затем следуют ещё два, последнее почти в конце.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: *«Москва — опять Москва. 1/50 Я говорю ей: „Здравствуй! 1/25 Не обессудь, теперь уж не беда, ... По старине я уважаю братство / Мороза крепкого и щучьего суда“».*

На точку приходится центр косвенным образом начатой ещё в первой строфе: «...Он слышит вечно шум, когда взревели реки / Времени обманных и глухих...» водно-рыбной темы, затем приближающейся в «...Я, рядовой седок, укрывшись рыбьим мехом, / Всё силюсь полость застегнуть...», и становящейся явной в строфе, предыдущей этой, «...То мёрзлой рыбою стучит, то хлещет паром / Из чайных розовых, как серебром плотвы...». Стихотворение ведёт к тому, что и мир вокруг, и поэт живы чудом, «по щучьему велению», в дар, как произведена за рубежом и куплена по НЭПу отчасти ассоциированная и с револьвером пишущая машинка «ундervуд», «Кого ещё убьёшь? Кого ещё прославишь? / Какую выдумаешь ложь? / То ундervуда хрящ: скорее вырви клавиш — / И щучью косточку найдёшь»; первые отечественные пишущие машинки появились лет через шесть-семь после стихотворения; и дарёное бытие менее жизненно, чем переломные дни Революции — кстати, «переулочки» далее отсылают к Блоку — когда клялись строить свой новый мир и время, потому нет у поэта возможности что-то сопоставимое с тем, что говорилось тогда, написать, «Но пишущих машин простая сонатина — / Лишь тень сонат могучих тех...». Отношение поэта к социализму со временем менялось, использование золотого отношения, так или иначе, выглядит сознательным: на точке, в первую очередь, прямая речь поэта обращённая к Москве, в известном смысле народу кроме читателя только.

Владимир Владимирович Маяковский, «Облако в штанах»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: *«1/25 Господа! / Остановитесь! / Вы не нищие, / вы не смеете просить подачки! / Нам, здоровенным, / с шагом саженью, 1/50 надо не слушать, а рвать их — / их, / присосавшихся бесплатным приложением / к каждой двуспальной кровати! ... Их ли смиренно просить: / „Помоги мне!“ / Молить о гимне, / об оратории! / Мы сами творцы в горящем гимне — / шуме фабрики и лаборатории.»*

На точку попадает авторское кредо, о созидательной силе людей и масс, «мы» вместо избранных, но также и «рвать», притом то, кого именно, довольно смутно. Среди вариантов — «Круппы и Круппики»; слова, «только два живут, жирея — / „сволочь“ / и ещё какое-то, / кажется — „борщ“»; и «Поэты, размокшие в плаче и всхлипе».

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: *«Выньте, гулящие, руки из брюк — / берите камень, нож или бомбу, / а если у которого нету рук — / пришёл чтоб и бился лбом бы! ... 1/25 Идите! / Понедельники и вторники / окрасим кровью в праздники! / Пускай земле под ножами припомнится, / кого хотела опошлить! / Земле, / обжиревшей, как любовница, / которую вылюбил Ротшильд!».*

На точку приходятся революционные призывы; что прикрыто названием и общим ходом поэмы, от «Вошла ты, / резкая, как „нате!“» до «Пришла / и голову отчаянием занавесила / мысль о сумасшедших домах.»

Субъективные первопричины написания отрицать нет возможности, они были, однако больше оснований в данном случае считать сумасшествие гамлетовским, то есть сымитированным, дающим возможность под маской сумасшествия говорить и делать что угодно; особо так разумно думать потому, что в обоих точках, вместо личного, социальное, точнее социалистическое. Примечательно, что, с огромным количеством цензурных купюр, но в каком-то виде до Революции поэму удалось даже напечатать.

Николай Алексеевич Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «1/25 Вдруг песня хором грянула / Удалая, согласная: / Десятка три молодчиков, / Хмельненьки, а не валяются, / Идут рядком, поют, / Поют про Волгу-матушку, / Про удаль молодецкую, / Про девичью красу. 1/50 Под песню ту удалую / Раздумалась, расплакалась / Молодушка одна: / „Мой век – что день без солнышка, / Мой век – что ночь без месяца, / А я, млада-младешенька, / Что борзый конь на привязи, / Что ласточка без крыл! / Мой старый муж, ревнивый муж, / Напился пьян, храпом храпит, / Меня, младу-младешеньку, / И сонный сторожит!“ ... Так плакалась молодушка / Да с возу вдруг и спрыгнула! / „Куда?“ – кричит ревнивый муж, / Привстал – и бабу за косу, / Как редьку за вихор!».

В исследовании рассмотрен первый вариант поэмы, без написанных потом дополнительных глав. Занимательно, что на точке оказывается именно своеобразный ответ на «Цыганы» Пушкина с их «Старый муж, грозный муж...», что переключается с «Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесёт?» самой поэмы. Так или иначе, в «Цыганах» всё кончилось плохо; как, возможно, кончилось бы и в поэме если бы молодушка Пушкина читала. К основному сюжету поэмы вставной эпизод относится мало.

Точка второго золотого отношения: 0, 1

Цитата: «1/50 Твои деревни скромные, / Твои леса дремучие, / Твои поля кругом! / Пойдёшь ли деревенькою – / Крестьяне в ноги валяются, / Пойдёшь лесными дачами – / Столетними деревьями / Преклонятся леса! ... Всё веселило барина, / Любовно травка каждая / Шептала: „Я твоя!“ / Краса и гордость русская, / Белели церкви божии ... И с ними в славе спорили / Дворянские дома. / Дома с оранжереями, / С китайскими беседками / И с английскими парками; / На каждом флаг играл, / Играл-манил приветливо, / Гостеприимство русское / И ласку обещал. / Французу не предвидится / Во сне, какие праздники, / Не день, не два – по месяцу / Мы задавали тут. / Свои индейки жирные, / Свои наливки сочные, / Свои актёры, музыка, / Прислуги – целый полк!».

На точку приходится рассказ помещика о счастливой жизни до освобождения крестьянства в 1861м году; сама глава, где монолог происходит, в поэме самая длинная, занимает почти половину от длины. Содержание отрывка мало похоже на выверенное, и, возможно, обусловлено субъективно. В сочетании с первым отрывком возникает ощущение, возможно и ошибочное, тонкого намёка для умных, густо замазанного угодным цензуре, однако подтвердить его сложно; проще считать, что если использование золотого отношения в поэме и есть, то интуитивное максимум.

Булат Шалвович Окуджава, «Стихи без названия»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «...что за дом, / если в нём / не пригреты сверчки / и не слышно их музыки!...».

В точке центр второй части маленького цикла, сама фраза может быть малопонятной; перевод с метафорической авторской речи на общедоступную даёт окончание части, «Вот и я приглашаю заезжих сверчков / за приличное вознагражденье. ... и играют они вечный вальс / по названию: / „Может быть, наконец, / повезёт мне в любви...“» — под «домом» подразумевается душа.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «Между прочим, / Таруса стоит над Окой. / Там торгуют в базарные дни земляникою, / не клубникою, а земляникою, / дикою... / Вы, конечно, ещё не встречали такой.».

В отрывке вторая строфа из четвёртой части. Часть противопоставляет, в известном смысле, художественные изыски и, расшифровывая метафоры, технический прогресс с одной стороны, естественность с другой; строфа первая в которой появляется естественное; может показаться случайной и мало обязательной, но знакомство со всем стихотворением и какой-то долей творчества поэта даёт основание полагать, что в точке именно то, что запланировано.

Борис Леонидович Пастернак, «Спекторский»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «Кондуктора. Ковши из серебра. / Литые бра. Людских роёв метанье. / И гулкие удары в буфера / Тарелками со щавелем в сметане. / Стеклянные воздушные шары. / Наклонность сводов к лошадиным дозам. / Прибытьё огнедышащей горы, / Несомой с громом потным паровозом.»

Вокруг точки описание интерьера вокзала; герой находится в нём с сестрой, которая появилась в предыдущей главе, отсрочив его переезд к возлюбленной. В этой главе, после проведённого с героем дня, сестра уезжает и далее в повествовании отсутствует. До какой-то степени это соответствует авторскому программному заявлению в начале поэмы: «Я б за героя не дал ничего / И рассуждать о нём не скоро б начал, / Но я писал про короб лучевой, / В котором он передо мной маячил. ... Про то, как ночью, от норы к норе, / Дрожа, протягиваются в далёкость / Зонты косых московских фонарей / С тоской дождя, попавшею в их фокус.», то есть что роман, вместо как о человеке, о среде. Меж тем, описаний типа приведённого в нём достаточно, оно мало выделяется, поэтому нет возможности говорить о том или ином использовании золотого отношения.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 „Ах, это вы? Зажмурьтесь и застыньте“, – / Услышал он в тот первый раз и миг, / Когда, сторонний в этом лабиринте, 1/50 Он сосвежу и точно стал в тупик. Их разделял и ей служил эгидой / Шкапных изнанок вытертый горбыль. / „Ну, как? Поражены? Сейчас я выйду. / Ночей не сплю. Ведь тут что вещь, то быть. ... Ну, здравствуйте. Я думала – подрядчик. / Они освобождают весь этаж, / Но нет ни сил, ни стимулов бодрящих / Поднять и вывезть этот ералаш. А всех-то дел – двоих швейцаров, вас бы / Да три-четыре фуры – и на склад. / Притом пора. Мой / Заграничный паспорт / Давно зовёт из этих анфилад“. / Так было в первый раз. Он знал, что встретит / Глухую жизнь, породистую встарь, / Но он не знал, что во второй и в третий / Споткнётся сам об этот инвентарь.»

На точку второго золотого отношения приходится первый визит героя к героине, которая объявлена в начале романа главной: «Вот в этих-то журналах, стороной / И стал встречаться я как бы в тумане / Со славою Марии Ильиной, / Снискавшей нам всемирное вниманье... ... Тогда в освободившийся досуг / Я стал писать Спекторского, с отвычки / Занявшись человеком без заслуг, / Дружившим с упомянутой москвичкой.», и их первый диалог, соответственно первая её прямая речь. В данном случае использование золотого отношения очевидно; до какой-то степени можно видеть в романе отражение переписки автора с Мариной Цветаевой, в «Ильина» же слышится «Ильич». Затем отношения героев разрушаются случайными обстоятельствами; читатель может сделать вывод, что произошло это потому, что герой был чересчур амбивалентен, имея одновременно планы на другую, которые тоже рушатся; первая уезжает, вторая становится известной революционеркой. Общая идея романа, что в жизни чего-то достигает человек способный обойтись без мельтешения и выбрать один стул из двух, либо прошлое, либо будущее; в золотом отношении автора прошлое.

Александр Сергеевич Пушкин, «Евгений Онегин»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей ... И тем её вернее губим / Средь обольстительных сетей. ... Кому не скучно лицемерить, / Различно повторять одно, / Стараться важно в том уверить, / В чём все уверены давно, / Всё те же слышать возраженья, / Уничтожать предрассужденья, / Которых не было и нет / У девочки в тринадцать лет! / Кого не утомят угрозы, / Моления, клятвы, мнимый страх, / Записки на шести листах, / Обманы, сплетни, кольца, слёзы, / Надзоры тёток, матерей / И дружба тяжкая мужей! / Так точно думал мой Евгений. ... В красавиц он уж не влюблялся, / А волочился как-нибудь; / Откажут – мигом утешался; / Изменят – рад был отдохнуть.»

На точку приходится начало четвёртой главы, известная цитата, и описание предыстории героя, то, как именно он стал глух к чувствам и почему проглядел ту женщину, отношения с которой могли бы составить его жизнь.

Точка первого золотого отношения: 0, 1

Цитата: «1/50 Вперёд, вперёд, моя история! / Лицо нас новое зовёт. / В пяти верстах от Красногорья, / Деревни Ленского, живёт / И здравствует ещё доньне / В философической пустыне / Зарецкий, некогда буян... ... Умел он весело поспорить, / Остро и тупо отвечать, / Порой расчётливо смолчать, / Порой расчётливо повздорить, / Друзей поссорить молодых / И на барьер поставить их...».

В отрывке на точке появляется эпизодический персонаж, функция коего достаточно очевидно сводится к гарантии того, что ссора главного героя и его друга, персонажа второго плана, окончится трагедией. До какой-то степени в двух точках можно видеть представление автора о своём беспутном прошлом и чистом будущем; он рассчитывает с возрастом стать мирным отшельником, но равно его беспокоят мысли о возможной дуэли. Легко заметить, в данном случае золотое отношение, если использовано, то скорее интуитивно и подсознательно; вероятно, причина в том, что роман писался и выходил отдельными главами десять лет.

Борис Борисович Рыжий, «Суждения»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 Понимаешь, что сам не уйдёшь, 1/50 уведут под / конвоем. / Слава ... Богу, стихи — это нечто иное. / Моё тело висит, 1/50 словно плащ — на гвозде, 1/25 на взгляде, который прикован к звезде.»

Маленький и довольно ранний цикл — наибольшее, что у поэта удалось найти. Целиком строфа звучит как «Как порой тяжело. / Открываешь глаза и вдруг видишь — чужое / всё: и небо, и звёзды, и червь в пережное, / не несущий тепло. ... Я ищу в себе силы / не сдаваться и ждать. / Но в округе до чёрта камней. Каждый третий — / кидать. / Или строить могилы.»

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 ...крыши зданий зарёю, / словно львиною гривой, 1/50 расстанусь с тобою. / И ... умру, как солдат, / не понюхавший боя. / Будет 1/50 небо седое. / И, как мины 1/25 морские, сгоревшие звёзды на нём. / Кто-то...».

Целиком строфа «Дорогая, когда / обрастут... .. скажет: „Нальём! / Хотя он не был солдатом, но ведал о том, / что и смерть — лишь обыденный дембель. / Пусть согреет свою двухметровую землю / уходящим теплом“...». Легко заметить, что на точки приходится, в известном смысле, квинтэссенция творчества, и даже жизни поэта. С учётом обстоятельств, золотое отношение в цикле скорее сознательно.

Игорь Васильевич Северянин, «Колокола собора чувств»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «Над рыже-бурою Курою, / В ложбине меж отлогих гор / Красив вечернею порою / Он, уподобленный герою, / Кавказский город-златовзор. / Иллюминирован фонарями, / Разбросанными там и здесь, / Под снежно-спящими горами / Он весь звучит, пылает весь. / Его уютная духана / Выходит окнами к реке, / В которой волны, как шайтаны, / Ревут и пляшут вдалеке.»

До того рассказав про знакомство с Сологубом и общий тур с ним, затем раздражив ожидания слушателя, «И плавно бросился... к невесте, / Которую в пути моём / Судьба дала мне. С ней вдвоём / До Петербурга добрались мы. / И понял я тревоги смуть, / Меня толкнувшую на грудь / Моей Гризельды. Эти письма / На мутной желтизне листков, / Сожжённые давно! готов / Я воскресить их для поэмы...», поэт, однако, тут же их нарушает: «Но прежде чем помчаться дальше / И продолжать со мною путь, / Прошу вас раньше заглянуть / К одной тифлисской генеральше». После чего следует названный отрывок, затем хаос успеха, женщин, и бегства от них, сметающий только что обрётённую было «Гризельду» прочь из повествования. До какой-то степени хаос может объяснить фраза чуть позже отрывка, «Не в пире дело, а в Тифлисе, / В его красотах и в сердцах / Его красавиц, в их очах...»; в целом из того, что приходится на точку, очевидно, что для поэта, вместо заявленного во вступлении «И оживлённые иконы / Изнедриваются из рам, — / И все мои былые жёны / Толпою заполняют храм...» значим, собственно, сам случайный вихрь поэзо-жизни, а прилагающиеся к нему женщины потом и только как его частные проявления.

Точка второго золотого отношения: 0, 1

Цитата: «И только стоит мне слегка / Привстать, как привстают все разом; / Иль посмотреть на облака, / Как все на небо лезут глазом... / А если Маяковский гром / Густого кашля тарарахнет, / Семья присядет в страхе, ахнет / И заперхает вчетвером...».

Так же, как в первом отрывке, для поэта наиболее значим оказывается его личный успех, с косвенно называющим себя же пародией воспроизведением «Он засмеётся — все хохочут; / Нахмурит брови — все молчат...»; притом, после того, как об Александре Сергеевиче мимоходом сказано «Оттуда в пёструю Одессу, / Попутно Пушкина-повесу / Невольно вспомнив...» — воспроизведением ещё и беспардонным.

Кстати, об упомянутом в отрывке Маяковском поэт писал в 1914м, то есть во времена близкие описываемым поэмой, «Что слон-то мой – из гуттаперчи...», в 1915м «Смышлёный малый Маяковский, / Сумевший кофтой (цвет танго!) / Наделать бум из ничего...» в 1923м же, за пару лет до её написания, уже «В те годы чёрного режима / Мы подняли в искусстве смерч. / Володя! Помнишь горы Крыма / И скукой скорченную Керчь?». В общем, поэма, вместо заявленного воспоминания о подругах, оказывается воспоминанием о «Я, гений Игорь-Северянин...», и даже более, почти тем же самым в больших масштабах. Использование же золотого отношения представляется обусловленным скорее подсознательно.

Александр Трифонович Твардовский, «Василий Тёркин»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «Друг-читатель, я ли спорю, / Что войны милее жизнь? / Да война ревет, как море, / Грозно в дамбу упёршись. / Я одно скажу, что нам бы / Поуправиться с войной, / Отодвинуть эту дамбу / За предел земли родной. / А куда край обширный / Той земли родной – в плену, / Я – любитель жизни мирной – / На войне пою войну. / Что ж ещё? И всё, пожалуй, / Та же книга про бойца, / Без начала, без конца, / Без особого сюжета, / Впрочем, правде не во вред, / На войне сюжета нету, / – Как так нету? / – Так вот, нет. / Есть закон – служить до срока, / Служба – труд, солдат – не гость. / Есть отбой – уснул глубоко, / Есть подъём – вскочил, как гвоздь. / Есть война – солдат воюет, / Лют противник – сам лютует. / Есть сигнал: вперёд!.. – Вперёд. / Есть приказ: умри!.. – Умрёт.»

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/50 Разъясняют: / — Ты не первый, / Не второй страдаешь тут. / Поначалу наши нервы / Спать без шапки не дают. ... И едва надел родимый / Головной убор солдат, / Боевой, пропахший дымом / И землёй, как говорят, — / Тот, обношенный на славу / Под дождём и под огнём, / Что ещё колючкой ржавой / Как-то прорван был на нём; / Тот, в котором жизнь проводишь, / Не снимая, — так хорош! — / И когда ко сну отходишь, / И когда на смерть идёшь, — / Видит: нет, не зря послушал / Тех, что знали, в чём резон: / Как-то вдруг согрелись уши, / Как-то стало мягче, груше — / И всего свернуло в сон. / И проснулся он до срока / С чувством редкостным — точь-в-точь / Словно где-нибудь далеко / Побывал за эту ночь; / Словно выкупался где-то, / Где — хоть вновь туда вернись — / Не зима была, а лето, / Не война, а просто жизнь.»

Поэма писалась отдельными главами без единого общего замысла и сообразно обстоятельствам, автор был фронтовым корреспондентом и она могла оборваться в какой угодно момент. Ожидать, что в точках окажется что-то особенное, было бы странно, и всё же выходит именно так — поэма почти вся происходит на войне, вся в военное время, но в обеих речь о мире. Такой результат всё-таки видится обусловленным много более интуицией, чем расчётом.

Фёдор Иванович Тютчев, «Неман»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «И он струю твою ласкал / Своими чудными очами?..».

Речь одновременно о потоке реки, и о потоке войск — далее «И с высоты, как некий бог, / Казалось, он парил над ними / И двигал всем и всё стерёг / Очами чудными своими...». В этом месте стихотворение намеренно создаёт впечатление, что враг способен повелевать самой природой.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «Лишь одного он не видал... / Не видел он, воитель дивный...».

Далее «...Что там, на стороне противной, / Стоял Другой – стоял... и ждал...». Кончается стихотворение «Несметно было их число – / И в этом бесконечном строе / Едва ль десятое число / Клеймо минуло роковое...», то есть втекла река, вытек ручей; в обоих точках речь также о зрении, косвенным образом подразумеваются и потоки слёз. Крупных стихотворений позднего периода творчества поэта, критикой считаемого лучшим, мало, в основном его составляют короткие стихи, на восточный манер сочетающие природное и философическое; остальные либо меньше этого стихотворения, либо явно написаны по случаю.

Афанасий Афанасьевич Фет, «Сабина»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Когда же Мунд, пробравшись в сад, / Её смущал любви приветом, / Живой упрёк и гордый взгляд
1/50 Бывали дерзкому ответом. ... Но в Мунде блеск её очей / Лишь распалая любви желанья: 1/50 Он
тосковал, не спал ночей / И жаждал нового свиданья.»

В отрывке золотого отношения строфа о безуспешных попытках героя поэмы, юного римского ветреника; впрочем, в поэме он менее главный, чем заглавная героиня; подкатить к ней, замужней женщине, прибывшей с мужем из Сирии в Рим, во время пребывания их на курортных Апенниннах. Момент наибольшей на тот момент возможной близости вполне выделяется из повествования.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «Я сам, Анубиса служитель, / О ней поведать трепещу. / Богам от юности служил / Я и молился
ежечасно, / Но никогда так громогласно / Со мною бог не говорил. / Вчера стою у алтаря – / И вдруг оракул мне
вещает, / Что, страстью пламенной горя, / Тебя Анубис избирает.»

На точку приходится переломный момент сюжета, после переезда героини с мужем в собственно Рим к ней приходит персонаж второго плана, жрец храма Анубиса; возвещает ей, что она избрана богом для вполне понятных вещей, и просит ночью, когда муж уснёт, прийти в храм тайно. Естественно жрец подкуплен ранее упомянутым героем, дело заканчивается разрушением храма и отправкой того в ссылку; что же до точек, то обе сюжетно выделяются.

Умеренно фривольная поэма, для творчества поэта характерная средне, избрана из-за связанного с ней литературно-исторического анекдота, которым с читателем особо внимательным, заглядывающим во все отдельные измерения и потому скорее всего благодарным, имеет смысл поделиться по ходу. «Сегодня Мунд стоит один, / Глядя в раздумье на долину; / Вчера уехал Сатурнин / И в Рим увёз свою Сабину. / „Что делать? – часто Мунд твердит. – / Бесплодно дни промчались лета!“ / – „Что делать?“ – эхо говорит / Сто раз – и не даёт ответа.». Поэма была издана в 1858м; роман Чернышевского «Что делать?» был написан им в Петропавловской крепости в 1862м, и опубликован в 1863м, пройдя двойную цензуру, следственного комитета и цензора журнала «Современник»; обе цензуры усмотрели в политическом романе лишь любовную линию.

Даниил Иванович Хармс, «Лапа»: 0, 1

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «Девочка отложила в сторону земляную лепёшку и запела. Рот у девочки был похож на круглую дырочку. / Девочка пела: / Пли пли / Кля кля / Смах смах гапчанух / векибаки сабаче / дубти кепче апдалаб / смерх пурх соловьи / сели или е ли а / соо суо сыа се / соловей вей во / вие вао вуа ви / вуа выа вао вю / пю пю пю пю / закурак.»

Как ни странно, в заведомо хаотическом произведении золотое отношение в той или иной мере сохраняется; чуть раньше отрывка, довольно близко к точке, начинается глава «Птичник», где, как выясняется далее, уже находится небо, куда стремился попасть герой поэмы: «Дверь отворилась и в птичник вошёл земляк. / – Лебедь у вас? – громко спросил он. / – Да, я тут! – крикнул Лебедь. / – Ура! Это небо? – спросил земляк. / – Да, это небо! – крикнуло небо.», и события главы, соответственно, происходят в нём. Меж тем, и начало главы, и диалог за пределами отрывка, тогда как в нём вставная песня.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «В. – Коршун глодал кость. / Х. – Земляк падал на землю. / мои / вой / кои / веи / дуй / буи / все / ае / хие / сео 1/50 пуге / пляе / клёе / поко / плие / плёе / флюе / моё / фое / тое / нюня / тюня / кёё / пёё / фюю / юю / пляю / кляю / кляс / кля па фео 1/25 пельсипао / гульдигрея / пнянь / фокен, покен, зокен, мокен / Таким образом земляк вернулся на землю.»

В отрывке происходит возвращение героя обратно на Землю, достаточно точно. Использование золотого отношения, по всей видимости, интуитивно — объединяют точки, вместо событий сюжета, футуристические заумные стихи, в других местах поэмы отсутствующие, по крайней мере в таких масштабах. К слову, поэма, самое длинное из известных законченных произведений поэта, написана после ухода из жизни Маяковского, может быть обусловлена им и иметь его в виду, но упоминаний об этом в ней нет, есть упоминание Хлебникова; с кем, впрочем, Маяковский дружил.

Велимир Хлебников, «Ладомир»: 0, 0

Точка первого золотого отношения: 0, 0

Цитата: «1/25 Вам войны оторвали ноги – / В Сибири много костылей, – / И, может быть, пособят боги / Пересекать простор полей. 1/50 Гуляйте ночью, костяки, / В стеклянных просеках дворцов, ... И пусть чеканят остряки / Остроты звоном мертвецов. / В последний раз над градом Круппа, / Костями мёртвых войск шурша, 1/50 Носилась золотого трупа / Везде проклятая душа. / Ты населил собой остроги, 1/25 Из поручней шагам созвуча, / Но полно дыма и тревоги, / Где небоскрёб соседит с тучей.»

В поэме «ты» собирательное, обращение к обобщённому представителю народа; «ты населил» имеет в виду, вместо как то, что адресат кого-то бросал в застенки, напротив, что его бросали. В начале отрывка обращение к инвалидам Первой Мировой Войны, отчасти повторяющее «И пусть мещанскою резьбою / Дворцов гордились короли, / Так часто вывеской разбою / Святых служили костыли...» начала поэмы. Меж тем, из её общего хода отрывок мало выделяется.

Точка второго золотого отношения: 0, 0

Цитата: «1/25 – Благодарствую, холон! / И от посева до ожина, / До первой снеговой тропы / Серпами белая дружина / Вязала тяжкие снопы. / Верёвкою обмотан барина, 1/50 Священников целуемый бичом, / Дыши как вол – пока испарина ... Не обожжёт тебе плечо, / И жуй зелёную краюху, / Жестокый хлеб, который дён? / Пока рукой земного руха / Не будешь ты освобождён. ... 1/50 И песней весёлого яда / Наполни свободы ковши, / Свобода идёт Неувяда 1/25 Пожаром вселенской души. / Это будут из времени латы / На груди мирового труда, / И числу, в понимании хаты, / Передастся правительств узда.»

Так же, как и до того, и после, поэма противопоставляет зависимое прошлое и свободное будущее, из общего её хода отрывок мало выделяется; использования золотого отношения в ней нет. Для проверки были рассмотрены все остальные доступные поэмы автора, числом около пятнадцати — в большинстве использования золотого отношения нет тоже, в малом исключении, «Гибели Атлантиды», выделение отрывков смутно и спорно. По всей видимости, если у поэта и было сознательное знание или интуитивное чувство золотого отношения, что сомнительно, то он мало им определялся; что согласуется с написанием стихов «потоком», без начала и конца.

Марина Ивановна Цветаева, «Крысолов»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «– В Москву! – В Карлсбад! / – У меня оседает зад, / – У меня, по утрам, прострел. / – У меня – так совсем осел / До земли... / – Лыжи – и к Богу! / – Грыжа! / – Изжога! / Свыкнись – / И крышка! / Сытно – / Слишком. / – Три денька таких – и готов! / – Начинаю любить котов / И купцов... / – Заушат – прощу. / – Завтра дочку свою крещу: / Мне-то – всё одно, ну, а ей – / Ей – целей. / – Не бивак – насест! / – У меня пропадает жест. / ФЛЕЙТА: / Где-то Инд...»

В пределах 1/100 от точки впервые звучит флейта крысолова, пришедшего увести из Гаммельна крыс; сами крысы при этом определённо показаны советскими: «– Присягай, визжат, главсвисту! / – Уж и стыд! Уж и страм! / – Не совсем, с лица, на крыс-то... / – Да уж крысы ли впрямь? / – Лысины! / – Пасмы! / – Слыхано ль? / В красном!». Флейта же зовёт их, как выясняется позже, завоевывать Индию: «ФЛЕЙТА: / Индостан! / Грань из граней, страна из стран. / Синий чан – / Это ночь твоя, Индостан.», и успешно, «Довольно с нас круп! / Курков перещуп. / ...Сала и масла гарного! / Да здравствует красная... / – Крысы, марш! / Нам опостылел домашний фарш!», но ведёт, сообразно исходной сказке, в болото: «СТАРАЯ КРЫСА: / Говорю вам, что это – пруд / Гаммельнский: триста лет, как сгнил! / ФЛЕЙТА: / Кро – ко – дил!».

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/50 „Будь то хоть бес, хоть жид, / Тот, кто освободит / Город – хоть слеп, хоть спятил! – / В дом бургомистра зятем / Вступит, в графу особ / В городе – первых“ ... – Стоп! / Не в хороводе, небось, дуда, – / В думе! Шажком! Анданте! / Только про беса и про жида, / Где же про музыканта / Сказано? / Как завершён обряд – / Милости просим, брате! / Всяк музыканту на свадьбе рад – / Только не в роли зятя. / За музыканта! за нотный крюк! / Звук! – флейтяную дырку! / Где ж это видано, чтобы вдруг / Да с музыкантом – в кирку?».

На точку приходится озвучание крысоловом ранее данного городом обещания, и нарушение городом данного слова, отказ крысолову; остальную часть поэмы занимает утверждение отказа и, сообразно легенде, утопление волшебной флейтой крысолова гаммельнских детей точно так же, как крыс до того.

Саша Чёрный, «Кому в эмиграции жить хорошо»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/50 „А чем он занимается?“ – / Спросил Козлов скептически. / „Изобретатель, душечка, – / А проще – птица Божия...“ ... Второй уж год слоняюсь я / По разным учреждениям, / А толку ни на грош... / Идея очень ясная: / Все люди злятся, бесятся, / Волнуются, кипят... / Мужья и жёны ссорятся, / Юристы и политики, / Поэты и любовники / Бурлят чрезмерным пафосом, – / И так до бесконечности / Везде – в любой стране... / Пять лет вертел мозгами я, / Как для людей использовать / Избыток сей энергии? / И наконец нашёл! / Прибор мой магнетический / В любой квартире, комнате / Любой избыток страстности, – / Любви ли, споров, ревности, – / Вмиг переводит полностью / В полезную энергию, / В комплекс рабочих сил... 1/25 А сколько ж средств вам надобно, / Чтоб ваше изобретенье / Пустить скорее в ход? ... С рекламой и конторою / Три миллиона с четвертью. / Уж все пути намечены, – / Ведь пустяки же, в сущности, – / Да кризис помешал... Ваш кандидат в счастливые, / Пожалуй, не того-с... / Его бы в санаторию / На девять-десять месяцев...».

На точке череду из добывающих хлеб малярными работами приват-доцентов ботаники, бывших светских дам разводящих кур, бедных массажисток, первоклассных русских врачей затрудняющихся сдать французские школьные экзамены чтобы получить разрешение на свою практику, и так далее, перебивает трагикомический эпизод, чем-то похожий на более позднюю прозу Шефнера; так или иначе, определённо выбивающийся из ряда.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 У вас ведь цены снизились... / Так вот, мой драгоценнейший, / Прошу ей передать...“ ... Львов, чек свернувши в трубочку, / Промолвил тихо: „Тэк-с“... Видали вы когда-нибудь, / Любезные читатели, / Как рыболов под ивою / Сидит с постылой удочкой / И час, и два, и три? ... Рукой подтянет трепетной / И сильным взмахом вытянет ... 1/50 Из лона светло-синего / Заместо карпа жирного / Размокнувший... баширма! ... Одни идут с отчаянья / На диспут с словопрением: / „Взгляд русских младодевочек / На будущих отцов“, / Другие в виде отдыха / Предпочитают цирк... Антракт. Гурьюбою публика / Пльвёт в конюшни тёплые, – / По сторонам вздымаются Породистые головы / Безмолвных лошадей... Индус в тюрбане огненном, / Скрестивши руки тонкие, 1/50 Стоял у головы. ... 1/25 Но Львов с улыбкой хитрою ... По-русски вдруг спросил: / „Как звать тебя, почтеннейший?“ / „Игнатий Шаповаленко, – / Ответил экземпляр...».

Начинает отрывок другой трагикомический эпизод: один из трёх героев, ищущих счастливого русского эмигранта журналистов, только было став искомым счастливым сам, тут же падает с небес на Землю — чек прислан ему, вместо как в оплату трудов, для передачи дальше; следуют метафора произошедшего и своеобразный «антракт», который, однако, к концу отрывка уже оканчивается — цирковой «индус» оказывается русским, тоже, естественно, живущим средне.

Корней Иванович Чуковский, Крокодил: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Вдруг забили барабаны, / Прибежали обезьяны: / — Трам-там-там! Трам-там-там! / Едет к нам Гиппопотам. / — К нам — / Гиппопотам?! 1/50 — Сам — / Гиппопотам?! / — Там — / Гиппопотам?! / Ах, какое поднялось рычанье, ... Верещанье, и бляенье, и мычанье: / — Шутка ли, ведь сам Гиппопотам / Жаловать сюда изволит к нам! 1/50 Крокодилица скорее убежала / И Кокошу и Тотошу причесала. / А взволнованный, дрожащий Крокодил 1/25 / От волнения салфетку проглотил. / * Некоторые думают, будто Гиппопотам / и Бегемот — одно и то же. Это неверно. / Бегемот — аптекарь, а Гиппопотам — царь.».

В отрывке точки к побывавшему в Петрограде и вернувшемуся в Африку одному из двух её главных героев, Крокодилу, совершает визит царь Гиппопотам. За пределами отрывка Крокодил, при рассказе ему о Петрограде, упоминает Зоосад, и звери идут на Петроград войной; подчёркнут, однако, скорее статус царя, явно иронически.

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 Они сожрать его хотят, / И всех людей, / И всех детей / Они без жалости съедят. / О бедный, бедный Петроград! 1/50 Милая девочка Лялечка! / С куклой гуляла она / И на Таврической улице / Вдруг увидала Слона. ... Боже, какое страшилище! / Ляля бежит и кричит. / Глядь, перед ней из-под мостика / Высунул голову Кит.».

На точку приходятся конец второй части, и начало третьей, вторжения животных в Петроград. Сказка писалась и выходила главами в 1917м году, современники видели в ней намёки на Керенского, корниловский мятеж, и другие реалии переломного времени. В каком угодно случае, золотое отношение в поэме внятно использовано.

Вадим Сергеевич Шефнер, «Василию Тредиаковскому посвящается»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 *На уровне червей могильных, / На линии грунтовых вод. 1/50 Он трудится, не зная смены, ... Чтоб над мирской юдолью слёз / Свои торжественные стены / Дворец Поэзии вознёс. 1/50 И чем черней его работа, 1/25 Чем больше он претерпит бед, — / Тем выше слава ждёт кого-то, / Кто не рождён ещё на свет.*».

В точке отрывок из части «Нулевой цикл», обобщённого представления автора как о Тредиаковском, так и поэте прошлого, и хорошем человеке прошлого вообще: «Поэтом нулевого цикла / Я б Тредьяковского назвал. / Ещё строенья не возникло — / Ни комнат, ни парадных зал.».

Точка второго золотого отношения: 1, 0

Цитата: «1/25 *Он стихотворным занят вздором, / Он беден, он простёрт в грязи, — 1/50 Он тот квадратик, по которым ... Ступают пешки и ферзи. / Но всё так суетно и бренно — / Фигуры, судьбы, игроки... ... 1/50 Всех побеждает неизменно 1/25 Пространство шахматной доски.*».

На точке другой, альтернативный, взгляд автора на героя, обобщающая часть «Квадратик»; из одних только названий других частей, «Восемнадцатый век, первая четверть», «Безденежье в Гааге», «Возвращение», «Укрощение слов», «Опала», «Похороны», уже можно сделать вывод, что интегрирующие части в той или иной степени из повествования выделяются. Короткая поэма выбрана из других произведений автора только по наибольшей длине; в других золотое отношение использовано тоже, но другие длинные стихи в основном жёстче. Наибольшее созданное им стихотворное произведение, поэма «Встреча в пригороде», издана была полностью только пару раз, и на данный момент в общем доступе отсутствует.

Подсчёт

Выставленные отметки отрывков и оценки «сознательность/подсознательность» следующие.

Таблица 4. Отметки содержания и оценки сознательности золотых отношений поэзии.

Автор	1 ключ./об.	1 суб.	2 ключ./об.	2 суб.	Сознат.	Подсознат.
Анненский	1	1	1	1	1	0
Ахмадулина	1	1	1	0	1	0
Ахматова	1	1	1	1	0	1
Башлачёв	1	0	0	0	1	0
Белый	1	1	1	1	1	0
Берггольц	1	0	1	0	1	0
Блок	1	0	1	0	1	0
Боратынский	1	0	1	0	1	0
Бродский	1	1	1	1	1	0
Вознесенский	1	1	1	1	1	0
Высоцкий	1	1	1	0	1	0
Габриак	1	1	1	1	1	0
Гумилёв	0	0	1	1	0	1
Державин	1	0	1	0	1	0
Евтушенко	1	0	1	0	1	0
Есенин	1	0	1	0	1	0
Крылов	1	1	1	1	1	0
Кюхельбекер	1	1	1	1	1	0
Лермонтов	0	0	1	1	0	1
Ломоносов	1	0	1	0	1	0
Мандельштам	1	0	1	0	1	0
Маяковский	1	1	1	1	1	0
Некрасов	0	0	0	1	0	1
Окуджава	1	0	1	0	1	0
Пастернак	0	0	1	1	1	0
Пушкин	1	1	0	1	0	1
Рыжий	1	1	1	1	1	0
Северянин	0	0	0	1	0	1
Твардовский	1	1	1	1	0	1
Тютчев	1	0	1	0	1	0
Фет	1	0	1	0	1	0
Хармс	0	0	1	0	0	1
Хлебников	0	0	0	0	0	0
Цветаева	1	0	1	0	1	0
Чёрный	1	0	1	0	1	0
Чуковский	1	0	1	0	1	0
Шефнер	1	0	1	0	1	0

Аналогично предыдущему измерению, сравнение с пороговыми величинами было произведено посредством одновыборочного критерия Вилкоксона.

Вероятности случайного ключевого события и/или выражения смысла произведения в отрывке, выражения особо значимого для автора субъективно, были посчитаны равными 0.1

Таблица 5. Надёжность сдвигов среднего выборки отметок содержания отрывков золотых отношений произведения русской поэзии относительно вероятностных констант, критерий Вилкоксона.

Точка	Параметр	Среднее	Ср. кв. откл	Сравнение	p
Первая	Ключ. знач./ Об. выраж.	0.81081	0.39706	>0.1	1.76E-07
	Субъективное выражение	0.37838	0.49167	>0.1	0.24055
Вторая	Ключ. знач./ Об. выраж.	0.86486	0.34658	>0.1	3.45E-08
	Субъективное выражение	0.45946	0.50523	>0.1	0.02815

Единственный параметр, по которому надёжного превышения пороговой величины нет, это субъективно обусловленное выражение в точке первого золотого отношения значимых для самого автора жизненных обстоятельств и соображений. Аналогичный параметр второй точки превышает порог с надёжностью умеренной, но всё же достоверно.

В обеих точках довольно твёрдо присутствует квинтэссенция произведения, то, что им поэт сознательно хочет сказать, и/или ключевое событие сюжета — что в тех случаях, когда сюжет наличествует, одно и то же практически.

Достоверных сдвигов между первой и второй точками по обоим параметрам нет.

Таблица 6. Средние интегральные оценки использования золотого отношения в русской поэзии.

Параметр	Среднее	Ср. кв. откл
Сознательное использование	0.75676	0.43496
Интуитивное использование	0.21622	0.41734

Так же, как и при измерении прозы, только в одном случае какая-либо обусловленность произведения золотым отношением отсутствовала вовсе; в остальных случаях она есть, и представляющейся сознательной значительно больше, с $p=1.976 \cdot 10^{-6}$ по двухвыборочному критерию Вилкоксона.

Корреляции с годом написания нет ни у одного из рассмотренных параметров, ни отметок, ни оценок; аналогично нет сообразности с продолжительностью жизни поэта. С объёмом произведения, количеством значимых символов в нём, связи обнаруживаются.

Таблица 7. Корреляции интегральных оценок использования золотого отношения и объёма произведения русской поэзии.

Параметр 1	Параметр 2	ρ	с
Значимых символов	Сознательное использование	0.02598	-0.36580
	Интуитивное использование	0.01129	0.41198

Чем больше объём произведения поэзии, тем более вероятно встретить в точках его золотого отношения что-то обусловленное интуитивно, и менее написанное целенаправленно.

Средний поэт, в отличие от прозаика, контролирует золотое отношение только при создании стиха умеренных размеров, большую поэму пишет потоком бесконтрольно; однако отсутствие рационального управления освобождает место иррациональному, интуитивному «самоуправлению», или подсознательно обусловленному самовыражению.

Проверка

Аналогично прозе, возможно проверить полученный результат, рассмотрев произведение поэта ранее обойдённого вниманием; скажем, при быстром взгляде на полку, Василия Андреевича Жуковского, как известно, писавшего относительно объёмные баллады, сохранившие своё художественное качество и сейчас.

Василий Андреевич Жуковский, «Светлана»: 1, 0

Точка первого золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 *Степь в очах Светланы: / На луне туманный круг; / Чуть блестят поляны. 1/50 Сердце вещею дрожит; ...* Робко дева говорит: / «Что ты смолкнул, милый?» / Ни полслова ей 1/50 *в ответ: / Он глядит на лунный 1/25 свет, / Бледен и унылый.*».

Героиня баллады, возлюбленный которой уехал и перестал писать ей, по совету подруг села одна ночью гадать, причём советчицы обещали появление суженного мистическим образом; тот стучит в дверь и зовёт её ехать венчаться с ним тут же. Героиня простодушно соглашается, далее следует отрывок точки золотого отношения; знакомому с романтической поэзией читателю он вполне говорит, что героиню ожидают проблемы.

Точка второго золотого отношения: 1, 1

Цитата: «1/25 *Слабо свечка тлится, / То прольет дрожащий свет, / То опять затмится... 1/50 Все в глубоком, мертвом сне, ...* Страшное молчанье... / Чу, Светлана!.. в тишине / Легкое журчанье... 1/50 *Вот глядит: к ней в уголок 1/25 Белоснежный голубок / С светлыми глазами, / Тихо вея, прилетел...*».

В отрывке, после ряда перипетий и молитвы героини на иконы, происходит появление мало характерного романтической традиции голубка; далее тот спасает героиню от закономерно вышедшего мертвецом возлюбленного, но всё произошедшее оказывается сном, происходит пробуждение; автор подытоживает балладу христианской моралью «Лучший друг нам в жизни сей / Вера в провиденье.».

Так или иначе, в обеих точках ключевые события, и выделение выглядит сознательным. Кроме того, баллада вышла с посвящением возлюбленной и ученице, совокупно с тем, что было главным препятствием отношениям, относительно малолетней родственнице поэта; в качестве свадебного подарка ей — возлюбленная ученица и родственница вышла за другого, так что очевидны и субъективные мотивы.

Меж тем, воспринимать посвящение как проявление оскорблённых чувств мешает то, что в поэме Готфрида Бюргера «Ленора», послужившей поэту прототипом, а также в его более раннем вольном переводе поэмы, «Людмила», голубка нет и, хоть финалы обеих и нет возможности назвать гибельными, там всё много мрачнее.

Переводя с метафоры на общедоступную речь, образом голубка поэт желает возлюбленной ребёнка, который мог бы стать её спасением безотносительно исходу брака; формально, в ещё большей степени пробуждения от того, что считает страшным сном, «Благ зиждителя закон: / Здесь несчастье — лживый сон; / Счастье — пробужденье»; но фактически в золотом отношении голубок вместо пробуждения, и поэт желает любимой добра; хотя молчание в первом отрывке и выглядит субъективно обусловленным тоже — по сравнению с поэтом обычный человек в известном отношении нем.

Все найденные закономерности полностью подтверждаются — в точках золотого отношения случайно выбранного произведения поэзии оказываются ключевые события сюжета, а также и субъективно значимое для автора; однако использование золотого отношения в данном случае выглядит сознательным.

Сравнение поэзии и прозы

Двухвыборочный критерий Вилкоксона позволяет сравнивать выборки измерений одного параметра разных объёмов; поскольку в случае поэзии вместо двух отдельных параметров — наличия ключевого события сюжета в точке и выражения объективного смысла произведения в ней — был использован один параметр, интегрирующий оба, такое объединение, посредством логического «или», было произведено и для произведений прозы. Остальные параметры находятся в точном соответствии, и были сравнены «как есть».

Достоверного сдвига между прозой и стихом по сюжетной и/или содержательной особенности точки первого золотого отношения нет; точки второго золотого отношения нет.

Надёжного отличия степени подсознательно обусловленного выражения субъективно значимых для автора обстоятельств или соображений в точке первого золотого отношения прозы и поэзии нет; точки второго аналогично.

Достоверной разницы сознательного использования золотого отношения в прозе и поэзии нет; подсознательного тоже.

То есть, отличие выраженности золотого отношения между крупными произведениями поэзии и прозы отсутствует. И роман, и поэма, в сравнимой степени имеют вблизи точек золотого отношения что-то особенное, ключевой момент сюжета и/или квинтэссенцию смысла; также сравнимо поблизости от них может происходить подсознательно обусловленное выражение субъективно значимых для автора переживаний.

Это результат, в особенности относительно суммарных оценок, может сам быть обусловлен субъективно и ошибочен, однако оставляет без изменений общий результат и искомый ответ на поставленный перед исследованием вопрос — без всяких сомнений, золотое отношение в литературе используется практически повсеместно.

Общие выводы

Золотое отношение как инструмент в русской литературе действительно широко распространено; в большинстве из рассмотренных крупных произведений прозы и поэзии вблизи точек золотого отношения находятся ключевые события сюжета и/или выражен основной смысл произведения.

В части случаев, много чаще, чем следовало бы из простой случайности, в областях золотого отношения происходит подсознательно обусловленное описание субъективно значимых для автора произведения обстоятельств, выражение авторских мыслей или чувств.

То или иное, сознательное или интуитивно/подсознательно обусловленное, выделение золотого отношения происходит почти всегда, за исключением порядка одного случая на пятьдесят. Сознательного использования достоверно больше, но если оно отсутствует, то практически наверняка происходит использование интуитивное, или же подсознательно обусловленное авторское самовыражение вблизи одной из двух, или обеих, точек золотого отношения текста.

Это позволяет предполагать, что искусство только пользуется уже существующими естественными закономерностями, и во всяком крупном однородном осмысленном сообщении, созданном человеком, можно ожидать в областях золотого отношения либо выражения смыслов особо значимых объективно, наиболее соотносящихся с содержанием сообщения, либо значимых субъективно для его адресанта.

Такое знание может быть психологически полезно.

Оглавление

О золотом отношении в произведениях русской литературы.....	1
Золотое отношение в произведениях прозы.....	2
Подсчёт.....	21
Проверка.....	24
Выводы.....	26
Золотое отношение в произведениях поэзии.....	27
Подсчёт.....	46
Проверка.....	49
Сравнение поэзии и прозы.....	50
Общие выводы.....	51